№ 6 *DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE* ЦЕНА 10 СЕНТОВ

ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Об'единенной Федерации Русских Рабочих Организаций С. Штатов и Кнады

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ 1942 г.	DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE 45 West 17th Street, New York, N. Y.	18 год. издания

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАКУНИН.

СВОБОДА ТРЕБУЕТ ПОБЕДЫ.

Отшумели русские вешние воды, реки вошли в берега. Апрель-земля прей промчался. Прошел и Май-коню сено дай, покрыв землю зеленым ковром. Приближается сенокос ... Сенокос смерти. С косой никогда нетупеющей, кровавым вихрем пронесется она по безбрежным российским полям, засеет их трупами и оросит кровавым дождем... Будут пышные всходы... Но какие и кто их пожнет?...

* * *

На протяжении всей русской истории, исключая татарское нашествие, еще никогда не было такой острой и повелительной необходимости в победе, как теперь. И никогда, со времени Батыя, победа над врагом не совпадала с такой полнотой с народными интересами, как теперь. С этих далеких времен русский народ ни в одной войне не имел права дать такой ясный и определенный ответ, как теперь, на поставленный Лермонтовым вопрос:

«....... Жалкий человек!
Чего он хочет?... Небо ясно,
Под небом места много всем, —
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... Зачем?»

ЗА СВОЮ И МИРОВУЮ СВОБОДУ!

Но в то же самое время, на протяжении всей своей истории народ никогда не был обуреваем такой глубокой и справедливой ненавистью к режиму и к его людям, как теперь. Это в условиях современности, составляет величайшую в мировой истории трагедию, достойную пера Эсхила и Софокла. От дальнейшего развития этой трагедии зависит очень многое, можно сказать все, конкретно: судьба русской и мировой свободы, направление исторического развития человечества: или оно станет регрессивным, пойдет вспять — к неофеодализму, государственному крепостничеству, или оно будет прогрессивным, поступательным, идущем вперед — к Бакунинской свободе с социализмом и к социализму со свободой.

Именно это сейчас и решается на всех полях кровавых битв, а на русских — преимущественно.

Вся тяжесть решения поставленной историей проблемы легла на русский народ и как раз в самый трагический момент его бытия, когда он, благодаря своему душевному состоянию, склонен совершить по хорошим побуждениям плохую ошибку. Потребность освобождения от внутренних угнетателей и поработителей достигла наивысшего напряжения, ненависть ищет выхода, что страшно затрудняет для него увязать свою свободу с мировой и ставит его перед великим соблазном освобождение через военное поражение.

Если раньше народ совершал ошибки, граничившие с преступлением против своей свободы, против своего благополучия, против своей человечности по мотивам слепой религиозной веры в режим и в его представителей, искусственно привитой религией, то теперь он рискует совершить такие же тяжелые ошибки по мотивам прямо противоположным, но законным, понятным и простительным: по мотивам глубокой и лютой ненависти, озлобления и отчаяния. Возможно и очень вероятно, что три с половиною миллиона пленных, по английской оценке, захваченных немцами (они не объясняют в целом небывалого военного разгрома 1941 года) — есть конкретное выражение этой ненависти, этого озлобления и этого крайнего отчаяния, до которого крепостнический режим большевиков довел народ. Если это так, — это тяжелая ошибка, ошибка, которая имеет оправдание, но которая, тем не менее, не перестает быть ошибкой. К сожалению это не первая ошибка народа за время его бытия. Хочется верить, что она будет последней.

За время своего исторического существования народ совершил ряд тягчайших ошибок. В вековой борьбе с татарами, народ, в интересах победы, неразумно по кусочкам отдавал свою личную и коммунальную свободу московским хищным «собирателям русской земли», с самовластьем которых, татарское« иго оказалось по сравнению детской игрушкой.

Народ вместо того, чтобы защищать, громил под командой своих московских угнетателей свободный вечевой порядок Господина Великого Новгорода и его младшего брата Пскова.

В период первой народной революции, прозванной официальными историками «Смутным Временем», — (смутное для бояр), — народ не поддержал вождя революционного повстанья Болотникова и согласился принять боярского царя Михаила, за что и поплатился двухсотпятидесятилетним крепостничеством, рабством.

При царе Алексее и при Екатерине Второй народ оказался душителем своей второй освободительной революции, возглавлявшейся Степаном Разиным, и третьей, возглавлявшейся Емельяном Пугачевым, которые, благодаря церкви и официальным историкам, вошли в писанную историю, не как революционеры, а как простые разбойники.

Во время так называемой «отечественной войны», русский народ проявил себя **патриотом без патрии,** разбил Наполеона вместо Александра и тем самым не только на 50 лет продлил свое рабство, но и содействовал торжеству реакции во всей Европе.

В годы последней революции народ, побеждая действительных врагов ее, одновременно, поддавшись «прелестным» посулам Ленина и его клики, громил, или безучастно смотрел на погромы искренних защитников революции, своих преданных друзей, которые предупреждали его от злостных замыслов превратить Рос-

сию в казарму по планам Фридриха Великого, Бисмарка и Маркса.

Что же вышло из последнего «Великого Обмана»?

Вместо мира, хлеба и свободы большевизм дал совершенно противоположное: двадцать пять лет непрерывных внутренних и внешних войн, столько же лет голодания, перемежевывавшегося лютым голодом, и беспримерное в мировой истории государственно-феодальное крепостничество. Экономическое разорение, потому что за что бы большевизм ни брался, к чему бы он ни прикасался, все вяло и гибло от его ядовитого дыхания. Все видимые «успехи» большевизма, которые, между прочим, не подняли жизненного уровня народа даже до уровня 1913 года, достигались исключительно фараоновскими методами, т. е. необычайной жестокостью, абсолютно несоразмерными усилиями и затратами капитала и человеческих жизней, так что достигнутое обходилось в такую цену, перед которой бледнеет цена строительства пирамид. Каналы и дороги, шахты и заводы и все остальное в полном смысле слова построены на костях сотен тысяч рабочих и крестьян. Покорение деревни «под нози» государства обошлось в несчитанные миллионы жизней. Индустриализация, преследовавшая в первую очередь военные интересы, вычеркнула из жизни не один десяток тысяч рабочих обоих полов и всех возрастов, условия труда которых мало чем отличались, и сейчас не отличаются, от каторжных. Только человекоубойная промышленность процветала и преуспевала: **за двадцать лет построила пирамиду из двадцати миллионов человеческих черепов! Да еще военная, которой, как Молоху, приносились обильные кровавые жертвы: жизнь и благополучие населения. Новый господствующий класс вооружался до зубов по последнему слову военной науки**

Мудрено ли, что при таком положении дел у народа выросла лютая ненависть, бешеная злоба и жажда мести всякой ценой, даже ценой военного разгрома: «лишь бы избавиться, хуже, мол, не будет»...

Народное чувство ненависти к тиранам и тирании есть великое и благодетельное чувство; оно свидетельство, что народ не превратился в водовозную клячу, которая настолько свыклась с ударами кнута, что даже не реагирует на них. Без этого спасительного и благородного чувства народ становится подобным водовозной кляче, совершенным рабом. Но это чувство, соединенное с крайним отчаянием, таит в себе и большую опасность для народа: оно может толкнуть его на ложную дорогу и на ошибочные акты, которые, вместо того чтобы положить конец народному рабству, могут продлить его и даже, принимая во внимание возможность победы Гитлера, увековечит его.

Конечно, трудно отрицать и даже не возможно, что хуже того, что есть в России, быть не может. Едва-ли в ней не перейдены всевозможные пределы возможного зла.

Если хуже не будет и лучше не будет, то, спрашивается, какой смысл класть свои головы в защиту одной тирании от другой, одного крепостнического режима от другого? Если хуже не будет и лучше не будет, то не лучше ли остаться живой собакой, чем быть мертвым львом? Зачем повторять ошибки крестьян в «отечественной войне» и защищать своих помещиков и свое рабство?

Несомненно, еслибы в 1812 г. русское крестьянство повернуло оружие против дворянской империи, оно выиграло бы от разгрома этой подлой империи, завоевало бы свою личную независимость и коренным образом изменило бы течение русской истории, введя его в прогрессивное русло, и та отсталость, от которой мы страдаем и по ныне, была бы давным давно изжита и забыта.

Но разве имеется какое-либо сходство в исторической обстановке теперешней войны с исторической обстановкой «отечественной», которое позволило бы непримененную в 1812 году крестьянами пораженческую тактику, для них благодетельную, применить в условиях текущей войны?

Во время «отечественной войны» Россия была крепостной помещиков, в настоящее время она крепостная государства, чиновников. Дальше этого сходство не идет. Во всем остальном полная противоположность.

В самом деле, что представлял собою Наполеон и что влекли за собою его победы?

Несмотря на то, что в пределах Франции Наполеон, с точки зрения поставленных революцией целей, представлял реакцию, за пределами Франции, в феодальной и крепостной Европе, его реакция была великой и благодетельной революцией. Его победы влекли уничтожение крепостного права, уничтожение феодальних привилегий, замену устаревших законов более прогрессивными законами кодекса Наполеона, основанными на равенстве; одним словом, за его победами следовало установление гражданского порядка, выработанного революцией. Ясно, разгром русской империи не мог бы не быть благодетельным для русского народа под которым мы понимаем рабоче-крестьянский мир, и для дальнейшей его истории. При этих условиях пораженчество русского народа означало бы правильное понимание своих интересов и было бы его огромной заслугой перед народами Европы. Тогда феодализм стоял на пути прогресса и свободы и всякий удар по нем был явлением прогрессивным.

А что теперь? ... Что представляет собою Гитлер и что влекут за собою его победы?

Гитлер — полная противоположность На-

полеону во всем. Наполеон был продуктом величайшей революции; Гитлер продукт величайшей реакции, средневековая феодальная отрыжка истории, изрыгнутая ею в двадцатое столетие. Наполеон был реакцией во Франции и революцией за пределами ее; Гитлер есть реакция в Германии и двойная реакция вне ее. Победы Наполеона уничтожали феодальное рабство, демократизировали и революционизировали Европу; победы Гитлера устанавливают рабство, уничтожают демократию и реакционизируют весь мир. Если торжество Наполеона влекло ослабление английского империализма и демократизацию Европы и России, то торжество Гитлера влечет утверждение в Европе немецкого империализма, самого реакционного из всех разновидностей его и торжество еще более реакционного японского империализма во всей Азии, а также установление экономического, социального, расового и духовного рабства во всем мире, поворот исторического развития вспять, к неофеодализму, при котором государство явится главным и могущественнейшим в истории феодалом. Разгром России Наполеоном мог увенчаться освобождением русского народа от крепостничества; разгром России Гитлером может означать только увековечение существующего в ней государственного крепостничества. Поэтому поражение Наполеона вызвало реакцию в Европе, а поражение Гитлера может вызвать только освободительное революционное движение европейских народов, которое не может не коснуться и русского народа. От**сюда вывод ясен: если пораженчество в 1812 году могло бы быть только благом для русского народа и для народов Европы, то в теперешнюю войну пораженчество было бы неисправимым злом для всех народов.**

Необходимость поражения Гитлера вытекает не из требования защиты отечества, — (русский народ не имеет отечества, ему еще нужно завоевать его!) — **не из требования защиты существующего режима,** — (он должен быть уничтожен!) — **а из требования своей и мировой свободы.** Поражение Гитлера, созданного мировой плутократией и поддержанного в последние годы большевизмом, требует огромных жертв. И вся тяжесть этих жертв, благодаря Сталинской политике, пала, в конце концов, на порабащенный, голодом изнуренный, вошью изъеденный и большевизмом замордованный русский народ, полный ненависти к своим внутренним угнетателям.

Теперь, когда приближаются сроки—они уже пришли, — кровавых, неслыханных по размаху, ожесточению и значению боев, от которых зависит все, - невольно закрадывается тревога: выдержит ли, устоит ли он? Сумеет ли, сможет ли он на время, когда решается судьба мира и его собственная, преодолеть законную ненависть к существующему режиму? Сможет ли он, большевиками отделенный от всего мира китайской стеной, понять своей интуицией, (другого средства у него нет), историческую обстановку настоящего и увязать свою борьбу и свободу с борьбой и со свободой всех остальных народов? Сможет ли он понять, что без свободной Европы и без освобожденого мира ему не быть свободным?

Борьба против Гитлера не требует отказа от ненависти к Сталину, к его клике и их режиму. Борьба с Гитлером не есть защита ненавистного режима и своего рабства. Борьба с Гитлером есть борьба и с большевизмом, ибо победа над Гитлером будет поражением Сталина, поражением диктатуры, поражением просовывающегося в историю нового бюрократического класса, на боевом знамени которого написано: социализм, коммунизм, а читается: неофеодализм, сервилизм. Но для того, чтобы победа над Гитлером, действительно, стала поражением Сталина, народ должен сохранить и даже увеличить свою ненависть к нему, к его клике, к его режиму, к его опричине. **Народ должен завоевать себе свое отечество. Это завоевание в победе над Гитлером. Другого выхода из рабства для русского народа сейчас не дано.** Так пусть же будет его боевым кличем: **Гитлера надо разбить, но преступлений Сталина не забыть!**

* * *

На кровавых российских полях будут пышные всходы... Вырастут прекрасные цветы-притягучки. Они притягивают всех: и друзей и врагов, но никто не в силах их сорвать. Их может сорвать только всенародная сила. Много этих цветов-притягучек, но только три, — самые прекрасные. Это — свобода, равенство и дружба вселенские. Но и всенародная сила может сорвать их, если только она выйдет победоносной из кровавой схватки с чудовищем средневековья.

Будем надеется и верить, а надеясь и веря, будем помогать, чтобы русский народ, собравшись со всеми силами своими, сорвал эти цветы для себя и для всего человечества.

Г. Максимов.

Товарищи, издание журнала «Дело Труда Пробуждение» зависит исключительно от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять усилено таковой и оказывать ему денежную и моральную поддержку. Просим не задерживать сумм за проданные №-ра журнала.

ТРЕТЬЯ СИЛА.

I

Война есть метод решения назревших противоречий между господствующими классами различных государств. Эти противоречивые интересы называют «национальными интересами», т. е. им лживо придают народный характер, чтобы поднять в народе «патриотический энтузиазм», готовность убивать и быть убитым, ибо от настроения народа зависит в значительной мере исход войны. Но эти противоречивые интересы господствующих классов всегда враждебны интересам трудовых масс и в первую очередь, конечно, интересам пролетариата.

Эта мысль давно была осознана передовой частью пролетариата и она скоро породила другую: солидарность рабочих всех стран. Чтобы придать этой мысли практический, действенный характер, семьдесят восемь лет тому назад было создано Первое Международное Товарищество Рабочих — Интернационал.

Интернационал не только энергично проповедывал идею рабочей солидарности, но и практиковал ее в повседневной борьбе против капиталистов всех стран, а во время Франко-Прусской войны пытался реализовать эту солидарность во Франции и Германии, чтобы повернуть штыки против эксплоататоров французских и немецких. Интернационал, однако, не был еще достаточно сильным для успешного выполнения такой грандиозной задачи. Его усилия в этом направлении не дали непосредственных результатов: он не остановил войну и не сверг капиталистический и государственный режим в воюющих странах. Тем не менее эта манифестация междунардной рабочей солидарности показала всем: врагам и друзьям, что рабочий класс, объединенный на почве международной солидарности, может стать могучей силой вообще и третьей решающей силой во время вооруженного столкновения двух враждующих капиталистических лагерей в частности.

Идея международной рабочей солидарности пережила Первый Интернационал, живет до сих пор и будет жить вечно, ибо без солидарности не может существовать никакое человеческое объединение. Солидарность трудящихся масс в настоящем есть залог победы, непременное условие победы над эксплуататорами и угнетателями; в будущем она — основа свободы и экономического равенства.

* * *

После распада Первого Интернационала идея солидарности широко проповедывалась интернациональным объединением социалистических, в большинстве марксистских, партий. Это объединение, известное в истории под именем Второго Интернационала, в 1914 г. выросло в огромную международную силу, особенно в Европе. Его влияние в руководящих европейских странах (Германия, Австрия, Франция, Англия и Италия), от которых зависел мир всего мира, было настолько значительным, что не было сомнения, что в случае вооруженного конфликта капиталистических и империалистических интересов, Второй Интернационал, вместе с идейно контролируемой им Международной Федерацией Профессиональных Союзов выступит в качестве решающей третьей силы и не только предотвратит войну, но и навсегда устранит ее основные причины — капиталистический порядок. Интернационал имел все шансы на успех, но будучи физически во сто раз сильнее Первого Интернационала, он морально оказался в тысячу раз слабее его и, вопреки его заветам, в самый критический момент истории отбросил идею международной солидарности и вверг рабочий класс в братоубийственную войну во имя «национальных интересов». Третья сила была уничтожена социалистическими и рабочими вожаками и рабочие втечение четырех лет калечили и убивали друг друга, а капиталисты превращали их кровь, смешанную со слезами, потом и нуждой, в золото и богатели.

* * *

Причина тому, что огромная сила Интернационала была использована капиталистами, а не социалистами, — парламентская деятельность социалистических партий, требовавшая сотрудничества с капиталистическим государством и защиты его «национальныхъ интересов». Эта деятельность постепенно, как трясина, засасывала социалистические партии и руководящие ими профессиональные союзы. Вожаки и теоретики отдавали ей весь свой ум и всю свою энергию. Социалистический идеал бледнел и все дальше и дальше удалялся. О нем вспоминали только в торжественные партийные праздники. В соответствии с этим вырождением идеала и его носителей воспитывалась и партийная масса. Социализм замещался жалкими реформами.

Реформитская деятельность не требовала риска быть посаженным в тюрьму, не требовала самопожертвования, борьбы и лишений, наоборот: она давала почет, жизненный комфорт, славу пролетарского трибуна, удовлетворяла самолюбие и тщеславие, вследствие чего партии социализма и рабочие союзы стали добычей непоглощенной капитализмом части «интеллигенции», которая делала в партии и в союзахъ карьеру и на плечах рабочих добиралась до власти, делила эту власть с капиталистами. а впоследствии очень часто. особенно в Версальский период истории, выполняла за них грязную работу, направленную против интересов национального и интернационального пролетариата. Следовательно. партийная машина не толко не желала, но и боялась пролетариата, как активной третьей силы. Конечным результатом такой политики

социалистической бюрократии оказалось полное разложение социалистических партий, банкротство основных положений марксизма, подрыв веры в социализм и дегенерация многих социалистических вожаков, пошедших даже на службу наци-фашизма.

* * *

Ленин созданием Третьего Коммунистического Интнрнационала пытался спасти положение Одно время казалось, что эта попытка будет иметь успех. Но это только казалось, на деле же Третий Коммунистический Интернационал повел ожесточенную борьбу с вождями Второго Интернационала не в интересах рабочего класса, а в интересах тщеславия вождей русского большевизма, в интересах большевистской иностранной политики, которая не совпадала ни с интересами международного пролетариата, ни с интересами русских трудящихся масс. Ожесточенная борьба Третьяго Интернационала против Второго есть Смутное Время в истории социализма. Эта борьба привела к торжеству мировой реакции, сознательными или бессознательными агентами которой очень часто были обе враждующие стороны. Третий Коммунистический Интернационал обанкротился гораздо более злостно, чем Второй. Что он обанкротился, в этом нет никакой беды, а только польза. Но беда в том, что он разбил, разложил рабочие движение: загрязнил все святое, светлое и ценное, что было создано долгой пролетарской борьбой: надсмеялся над свободой; из экономического равенства сделал злую шутку; революционную борьбу превратил в американский гангстеризм и докатился до защиты союза с Гитлером, сталинского империализма, и его мясных дел мастерства. А между тем Третий Интернационал имел все возможности возродить пролетариат, как третью организованную силу, силу, которой принадлежало бы последнее слово. Фаши-нацизм и плутократический империализм кровавым вихрем проносятся ныне по лицу земли.

* * *

Когда в сентябре 1939 г разразилась война, принявшая теперь мировой размах, Центральная Европа уже была социалистической пустыней: социалистические партии и рабочие союзы Австрии, Германии и Чехословакии были уничтожены и сметены с лица земли. Второй Интернационал, однако, все еще имел солидную физическую силу во Франции, Англии, Бельгии и в полдюжине мелких государств. Эта сила еще была достаточно велика, чтобы предпринять риск превращения ее в третью силу и ввести эту силу в конфликт в качестве самостоятельного и решающего фактора.

Война поставила перед всеми рабочими и социалистами вопрос: что же делать? Бороться против войны или занять сторону, как в 1914 году?

Для сторонников рабочего дела ответ на этот вопрос не должен зависить от национальных или расовых чувств и симпатий и, конечно, ни в коей мере от «национальных интересов». Ответ должен исходить из интересов угнетенных и подавленных национальностей и, это главное, из интересов третьей силы, т. е. из интересов его свободы и его экономического благополучия, из интересов всеобщего прогресса.

Этим интересам до падения Франции наилучше всего соответствовала точка зрения третьей силы, т. е. превращение ее в революционную войну сперва во Франции, а за тем и в Англии. Рабочие союзы и политические партии, которые раньше так ожесточенно боролись с фашизмом и нацизмом резолюциями и изобличали руководящие промышленно-финансовые, государственные и военные круги в симпатии и в открытой приверженности к Муссолини и Гитлеру, должны были, немедленно по объявлении войны, поднять, в интересах обеспечения победы, бешенную, безостановочную пропаганду против этих элементов, как клики неспособной, не желающей защищать страну, не желающей поступиться своими групповыми и личными интересами и привилегиями, как предателей, тайно и явно симпатизирующих Гитлеру, как внутренних фашистов, желающих использовать войну для фашизации страны. Они должны были настойчиво требвать их устранения, ареста, предания суду, должны были требовать лишения привилегий господствующего класса и, в конце концов, свергнуть этот класс во имя революционной борьбы за независимость страны и за свободу в ней.

Это революционное пламя, которое охватило бы всю Францию, придало бы ей непобедимую силу, создало бы единство трудящихся масс, твердо спаенное одним порывом, одним стремлением, одним желанием, одной возвышающей и благородной идеей, переворачивающей горы. Оно несомненно получило бы отклик по ту сторону Ламанша, — в Англии. Возможно и очень вероятно, что этот отклик не был бы равным по силе восстанию французов, но он, — и в этом трудно сомневаться, зная отношение лейборитов к войне, — обезвредил бы чемберленовскую, асторовскую и прочие «аппизерские», прогитлеровские, профашистские клики, заставил бы лордов и Сити пойти на огромные уступки пролетариату, заставил бы вести войну не в соответствии с барышами и не в соответствии с интересами будущего рынка, а в соответствии с интересами трудящихся масс: **раздавить Гитлера в возможно кратчайший срок.**

Это не было сделано, потому что душа социализма давно оставила французских социалистических вожаков. Франция разбита извне и изнутри. Что риск революционной войны в сравнении с тем, что Франция получила без этого риска?! Ничто, абсолютно ничто!!

Франция фашизирована. И как позорно фашизирована! Парламент не имел мужества отказаться подписать даже свой собственный смертный приговор! От старости выживший из ума Петен насилует страну и лакействует перед Гитлером! А рабочие союзы, а социалистические партии... **О,** лучше не говорить...

II

Разгром Франции знаменовал собой завоевание Гитлером всей континентальной Европы, лежащей на Запад от границ СССР. Осталась одна островная Англия, решившая не складывать оружия. Следовательно, во всей Европе, рабочей Европе, остались только английские профсоюзы и их Рабочая Партия, которые по своему защищают рабочее дело и, конечно, далеко не так, как нам хотелось бы. Диктатура воцарилась в Европе и в Азии со всеми ее ужасами бесправия, произвола, издевательства, пыток, холода, голода, болезней, смерти и безграничного скотства. **Условия и обстоятельства, следовательно, изменились коренным образом и точка зрения третьей силы, активной третьей силы, которая поднимает знамя революционной войны, стала беспочвенной, потому что этой силы больше нет, одни лейбориты не могут сойти за нее.**

В новых условиях должна быть и новая ориентировка. **Теперь нужно бороться за условия, при которых третья сила может быстро сложиться и стать решающим фактором в мировой политике. Это есть основной интерес рабочего класса.**

Возможны ли такие условия при победе Гитлера? Нет, эти условия абсолютно исключаются при его победе. Его победа несет рабочему классу и всем трудящимся полное государственное рабство, а в лучшем случае — государственное крепостное право. Эти условия создадутся только его поражением. Значит, усилия рабочих масс всего мира должны быть направлены на полное, решительное, истребительное поражение Гитлера и его союзников.

Что же из этого получается? Скажем открыто: получается довольно странное явление — совпадение интереса рабочего класса с интересом империалистического капитализма так называемых демократических стран, так зло шутит историческое развитие! Однако, прошу заметить: не совпадение интересов, а совпадение только одного интереса.

Что же это за интерес? **Это — интерес самосохранения. Победа Гитлера означает смерть империалистического капитализма и юридическое и фактическое рабство рабочего класса.** Здесь, в этом основном пункте, между прочим, полное сходство между гитлеризмом и марксистским коммунизмом большевистского покроя.

Никто не мог предвидеть такого парадокса исторического развития. Предполагалось, что развитие классовых отношений в капиталистическом обществе будет идти по прямым линиям, которые теоретически встречаются только в безконечности, а так как капитализм конечен, то эта встреча считалась невозможной и теоретически. Но она, как видим, произошла, благодаря агрессивности нацистского империализма. Неразумно закрывать глаза на этот факт, его нужно признать и сделать из него соответствующие выводы.

* * *

Представьте себе двух кровных врагов в дороге, на которых напал розбойник, угрожающий зарезать их. Как поступят в этом случае кровные враги? Надо полагать, они постараются совместными силами одолеть разбойника. Инстинкт самосохранения объединит их действия, т. е. моментально и непроизвольно между врагами создастся минутный союз без слов и без договора. Это конечно, слишком упрощенный символический пример, но он тем не менее помогает уяснению и подсказывает вывод.

Если до войны все мы считали своим долгом вести борьбу против фашизма и вели ее, но только резолюциями, то не только нелепо, но и преступно стоять в стороне или мешать, когда эта борьба заменила резолюции пулями.

Международный рабочий класс, — несмотря на наличие в этой войне явно выраженных империалистических интересов, несмотря на всю жадность, несмотря на подлейший классовый эгоизм плутократии и ее волчий аппетит к барышам, несмотря на все махинации плутократии против трудящихся, несмотря на все ее старания увековечить свое бытие за счет благополучия и прав рабочих,—не только должен **(он вынужден) признать войну своей, но поскольку благодаря политике вождей, он не смог взять дело войны против н а ц и з м а в свои руки, постольку он должен теперь применить все средства, решительно не останавливаясь ни перед чем, чтобы заставить, принудить плутократию к решительному и безоглядочному ведению войны. Надо во что бы то ни стало не допустить ее до договорного мира, ибо договорный мир для плутократии только полупоражение, а для рабочего классса — полное поражение. Рабочий класс должен освоиться с дикозвучащей мыслью, что в данных исторических условиях поражение империалистического капитализма гитлеризмом есть в то же самое время катастрофическое поражение и пролетариата, за которым последует столетие или столетия рабства или крепостничества. Поэтому рабочий класс, как в нашем примере, ходом историчекого развития вынужден на минутный союз без слов, без договора и без обязательств со своим историческим врагом В данный момент другого пути для самосохранения и для организации пролетариата, как ттретьей силы, не дано.**

Но отсюда совсем не значит, что пораженческая точка зрения, вытекающая из идеи международной солидарности пролетариата, должна быть выброшена в мусорный ящик, как истле-

вшая ветошь. О. нет! Далеко не так. Она остается в полной силе. До второй мировой войны пораженчество бралось абсолютно и считалось обязательным для пролетариата обоих воюющих сторон и это было правильно, так как это совпадало с прямолинейным развитием классовых отношений в капиталистическом обществе исключавшим общность интересов между капитализмом и рабочим классом. Появление на исторической арене агрессивного империалистического государственного социализма, нацизма — (большевизм принадлежит к этой же категории) — внесло некоторое изменение. Поскольку цель нацизма сводится к замещению частного капитализма государственным, плутократов — бюрократами, наемного труда — крепостным трудом, постольку, в момент военного столкновения двух видов капитализма за господство, рабочий класс, в видах самосохранени, вынужден, как мы сказали, на минутный союз против общего врага, победа над которым одинаково важна для пролетариата обоих враждующих сторон. Следовательно, **пораженчество, как требование международной солидарности рабочего класса, остается в силе и становится обязательным социалистическим долгом для рабочих наци-фашистских стран и их союзников.**

Пораженчество взятое абсолютно, применяемое слепо и механически — величайшее зло; пораженчество, взятое относительно, применяемое разумно и в соответствии с реальностью каждого данного исторического момента, есть величайшее благо. Условия Первой Мировой Войны требовали от пролетариата обоих сторон солидарного актизного пораженчества; в данных же исторических условиях солидарность международного рабочего класса требует от рабочих стран «либерального» империалистического капитализма позитивной организации победы, а от рабочих наци-фашистских и союзных с ними стран — позитивной организации поражения своих стран, ибо в этом случае позитивная организация поражения есть негативная организация общей победы пролетариата, неизбежно вытекающей из активного применения пораженчества. При соблюдении этих условий, требования международной солидарности пролетариата выполняются полностью, дело рабочего класса ставится на правильный путь и его победа не только над гитлеризмом, но и над империалистическим капитализмом обеспечивается, несмотря на то, что пролетариат, как организованная третья сила, сейчас разбит.

Что дает мне право говорить так оптимистично? А вот что. В завоеванных и контролируемых Гитлером странах ненависть к завоевателям и контролерам огромна, не меньшая ненависть и к своим господствующим классам; неизмеримое разочарование рабочих масс и своих вождях, злобное отношение к соглашательской тактике, часто сближавшейся с предательством; государственно-полицейский аппарат этих стран расшатан завоевателями и Квислингами, его моральный авторитет подорван в самой основе; буржуазия обезумела, потеряла почву и силу; соглашательские социалисты, эти вечные социальные пожарные, потеряли былое обаяние. Одним словом, порох революции хорошо высох, нужна только искра. В данных исторических условиях такой искрой может быть только военное поражение Гитлера. Это поражение взорвет все страны Европы и стихийное движение масс невиданных в истории размеров будет не по плечу, не по силам жалким остаткам государственно-полицейского аппарата, который или будет совершенно смыт стихией, или будет совершенно парализован ею, или будет работать в холостую, как в России в 1917 году. Третья сила вырастет стихийно, выдвинет своих руководителей и организуется в процессе беспощадного выкорчевывания старых заживших устоев. Поражение Японии породит встречную волну. Народы Азии приобщатся к общему движению прогресса. Ослабевший в войне блок империалистического капитализма и большевизма не посмеет, не рискнет на новую войну в Азии против восставших колониальных народов и еще меньше на интервенцию в Европе, ибо у него дома будет хлопот полный рот. А большевизм, попавший между двумя встречными революционными волнами, вероятно, будет разбит в щепы.

Но может быть это не случится, может быть империалистический капитализм в союзе с большевизмом — (я допускаю такую комбинацию) сумеет обуздать стихийное движение европейских и азиатских трудящихся масс. Такая возможность не исключена, но она может быть достигнута только ценою огромнейших уступок этим массам, что опять-таки дает рабочему классу благоприятные условия, чтобы скоро и солидно организоваться в третью силу и перейти в наступление.

При победе наци-фашизма эти возможности исключаются совершенно. Отсюда ясно: **победа над наци-фашизмом — освобождение, поражение от фашизма — порабощение.**

Кроме всего, мы должны, наконец, понять, что человечество не может позволить себе вести такие войны каждые двадцать пять лет. Общество, которое допускает это, не имеет никакого оправдания для своего существования, поэтому нужно сделать все, чтобы конец тоталитаризма был бы и его концом.

Г. Максимов.

———0———

ТОВАРИЩИ!

ДЕВЯТОГО ДЕКАБРЯ ЭТОГО ГОДА ИСПОЛНИТЬСЯ СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. А. КРОПОТКИНА. ПОДУМАЙТЕ, ЧЕМ И КАК МЫ МОЖЕМ ОЗНАМЕНОВАТЬ ЭТУ ГОДОВЩИНУ.

М. А. БАКУНИН И ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

ВЗГЯД БАКУНИНА НА ГЕРМАНИЮ.

Нельзя правильно понять отношение Бакунина к Парижской Коммуне, не зная его позиции в Франко-Прусской войне 1870 -71 года, которая, в свою очередь, не может быть понята без установления историко - философского взгляда Бакунина на Францию и Пруссию.

Анализируя историю немецких государств, имея в виду главным образом Пруссию, Бакунин пришел к нелестным для немцев выводам. Насколько эти выводы правильны и насколько ложны в данной статье нас не интересует. Нужно только заметить, что «антигерманизм» Бакунина есть выражение ненависти к официальной Германии, главным образом к Пруссии, к официальной науке, к идеям, верованиям, стремлениям, одним словом, к цивилизации господствующих классов, а не к народу, который являлся лишь жертвой этих классов.

Анализируя историю немецких государств, Бакунин пришел к заключению, что на всем протяжении исторического бытия Германии имеется один и единственный светлый период — период крестьянских восстаний в шестнадцатом веке. Немецкая история бесцветна и лишена прекрасных страниц борьбы за свободу. Либерализм, свойственный буржуазиям многих народов, был чужд немецкой буржуазии и «вы не найдете его следов ни до, ни после реформации». Даже протестантизм, который в других странах или вызывал народные движения, или стимулировал их, или сопровождал их, в Германии «сделался религией деспотизма». Немецкий либерализм новейшего времени, первой половины девятнадцатого столетия, был обуреваем не столько стремлением к свободе, сколько к национальному могуществу и к государственному единству.

Повиновение, смирение, раболепие — отличительная черта господствующих классов Германии, которые в течении столетий внедряли эти качества в народные массы и развращали их. «У всех этих почтенных классов, представляющих немецкую цивилизацию (дворянства, духовенства и буржуазии) сервелизм составляет не просто естественное явление, обусловленное естественными причинами, он сделался системой, наукой, чем-то вроде религиозного культа и потому является неизлечимой болезнью». И сама немецкая наука, под которой Бакунин несомненно разумеет идеалистическую немецкую философию, с ее профессурой, является «сплошным отравлением масс, систематической доктриной рабства». Профессура с средних веков раболепствовала перед властью, служила ей за совесть, а не за страх, создала культ силы и власти и из этого культа сделала политическую науку. «Эту науку можно назвать современной теологией, богословием культа государства. В этой религии земного абсолютизма государь занимает место бога, чиновники является священнослужителями, а народ, естественно, — жертвой, постоянно закалываемой на алтаре государства».

Переходя к характеристике немецкого студенчества и офицерства, Бакунин сравнивает их с русскими и, несмотря на то, что «кажется, не может быть рабства хуже русских», делает выводы не в пользу немцев. Он отмечает, что среди русских студентов нельзя найти «такого лакейского отношения к профессорам и начальству, какое существует и поныне во всем немецком студенчестве». Русское офицерство, несмотря на свою пустоту, дикость, грубость, безалаберность, не потеряло человеческого сердца, способность инстинктивно полюбить и понять все человеческое, при благоприятных же условиях и соответствующем хорошем влиянии оно способно «сделаться совершенно сознательным другом народа». Что же касается немецкого офицерства, то в нем «нет ничего, кроме формы, военного регламента и отвратительной, специально офицерской фанаберии, состоящей из двух элементов: из лакейского повиновения в отношении ко всему, что иерархически выше, и из дерзко-презрительного отношения ко всему, что, по их мнению, стоит ниже, — к народу прежде всего, а потом и ко всему, что не носит военного мундира, за исключением самых высших гражданских чиновников и дворян».

Германия, по мнению Бакунина, есть родина милитаризма и бюрократии. Последняя родилась и развилась здесь, больше того, она сделалась здесь «наукой, искусством и культом». Что касается милитаризма, то «именно в Германии родилась мания и страсть игры в солдатики». Эта страсть, соединенная с сознанием раздробленности и униженного положения Германии, породила идею германского великодержавия, пангерманизма, которая могла быть реализована только военной силой, отсюда пангерманизм неизбежно принимал формы империализма, завоевания и подчинения других народов, чтобы их «морализовать, цивилизовать, германизировать».

Бакунин спрашивал Маркса: «Думает ли Маркс, что народ, как бы одарен он ни был, может безнаказанно оставаться в подобном положении в течении долгого исторического периода без того, чтобы рабство не проникло во все тончайшие фибры его организма и не сделалось его привычкой, его второй натурой?» Бакунин отвечал на поставленный вопрос положительно: рабство должно стать привычкой.

«И если этот народ, продолжал спрашивать Маркса Бакунин, как это можно сказать с полным правом о немецком народе, даже до этого периода подавляющего рабства никогда не

знал и даже не желал свободы; если посреди поступательного движения соседних народов он остался народом косным, созерцательным, самоуглубленным, — правда, много работающим (и за это честь ему и слава), но никогда не возмущающимся, за исключением кратковременного момента в его жизни, в начале реформации, — во что он должен был превратиться за эти века полной неподвижности и отсутствия мысли?» Бакунин отвечал на поставленный вопрос определенно: «в превосходное орудие для всех затей деспотизма как внутри, так и во вне; в прочнейшую основу для пропаганды, распространения и завоевания деспотизма во всем мире».

При таком положении вещей немецкие господствующие классы, сжигаемые жаждой захвата территорий, поглащения других народов, страстью к господству и воодушевляемые «мессианизмом», делают из немецкого народа в данное время (1870-1871) «самую опасную для мировой свободы нацию».

Что особенно прискорбно и опасно так это то, что передовые общественные деятели, творцы обновленного мнения, Бакунин включал сюда Маркса и марксистов, не только не борятся со всем этим, а, наоборот, потакают всему этому и разжигают.

«Мало к чему я отношусь с такой глубокой ненавистью и презрением, признается Бакунин, как к этому гнусному господству и к этой буржуазной, дворянской, бюрократической, военной и политической цивилизации немцев».

Общий вывод Бакунина сводился к тому, что со времени реформации Германия сделалась «истинным центром реакций в Европе» и что она была и продолжает оставаться «постоянным источником и школой государственного деспотизма в Европе».

Современную ему Германию Бакунин рассматривал как полюс государственности и реакции, как воплощение совершенного государства и доведенной до логического конца централизации и дисциплины, каким была Франция при Людовике 14 и Наполеоне 1-м, и «каким не перестала быть Пруссия по настоящее время». Исходя из этого, Бакунин утверждал, что «доколе Германия останется государством, несмотря ни на какие мнимо-либеральные, конституционные, демократические и даже социально-демократические формы, она будет по необходимости первостепенною и главною представительницею и постояным источником всевозможных деспотизмов в Европе».

ВЗГЛЯД БАКУНИНА НА ФРАНЦИЮ.

Франция представлялась Бакунину полным антиподом Германии. Цивилизации этих стран были, по мнению Бакунина, полярно-противоположными во всем и особенно в области влияния на развитие народов в прошлом, настоящем и в будущем. Даже социализм этих стран взаимоисключающ: французский социализм основан на свободе, на уважении личности, ее прав, ее желаний, стремлений и всех ее живых интересов, тогда как немецкий социализм, марксизм, издавал запах казармы Фридриха Великого с привкусом идей Бисмарка. Просветительную и освободительную роль Франции в истории человечества Бакунин расценивал очень высоко.

«Я оплакивал бы, писал он в «Письмах к Французу», как величайшее несчастье для всего человечества, упадок и смерть Франции, как великой национальной породы, смерть этого великого национального характера, этого французского духа, этих благородных, героических инстинктов и этой революционной смелости, которые дерзнули взять приступом, с целью разрушения, все авторитеты, освященные историей, все силы небесные и земные. Если бы той великой исторической породы, которая называется Францией, в настоящее время не существовало, еслибы она исчезла с мировой сцены или, что было бы еще хуже, если бы эта благородная и умная нация с той чудесной высоты, на которую вознесли ее героический труд и гений прошлых поколений, сразу низверглась в грязь, продолжая влачить существование в качестве рабы Бисмарка, — в мире образовалась бы огромная пустота. Это была бы не просто национальная катастрофа, это было бы всеобщим несчастием, мировой потерей».

Сидя в Марселе, скрываясь от ареста после неудавшегося восстания в Лионе, Бакунин писал: «Франция. . . до сих пор всем миром справедливо признавалась естественным вождем и благородным инициатором всего человеческого прогресса и всех завоеваний свободы; эта Франция, вся история которой с 1789 — 1793 годов была ничем иным, как энергическим протестом и непрерывной борьбой света с мраком, человеческого права с ложью божественного права и юридического права, демократически-социальной республики с тиранической коалицией королей и эксплоатирующих и привилегированных классов; эта Франция, с которой еще и ныне связаны все надежды угнетенных наций и порабощенных народов, гибнет на наших глазах. Ей угрожает участь Польши».

Бакунина, конечно, беспокоила не горькая участь официальной Франции, не участь наполеоновской Второй Империи, не развал ее государственного аппарата и власти; нет, он оплакивал не это, гибели всего этого он только радовался, его печалило и он оплакивал «крушение. . . благородного национального характера и блестящего французского ума, как бы нарочно созданных и развитых историей для освобождения мира. Что я оплакиваю, так это молчание, которое будет наложено на великие уста Франции, возвещавшие всем страждущим

и угнетенным свободу, равенство, братство и справедливость. Мне кажется, что, когда великое солнце Франции погаснет, всюду наступит затмение, и что все более или менее затейливые фонарики, которые будут зажжены резонерствующими учеными Германии, не в состоянии будут заменить тот великий и простой свет, который проливал на мир дух Франции. Наконец, я убежден, что порабощение Франции и окончательное торжество Германии, подчиненной пруссакам, снова ввергнут всю Европу в тьму, бедствия и рабство прошедших веков. Я настолько в этом убежден, что по моему мнению, для всякого человека, любящего свободу и желающего торжества человечности над скотством, желающего освобождения своей собственной страны, в настоящее время является священным долгом принять участие в демократической борьбе французского народа против вторжения германского деспотизма, какого бы он сам ни был происхождения, будь он англичанином, испанцем, итальянцем, поляком, русским и даже немцем».

ВЗГЛЯД БАКУНИНА НА ФРАНКО-ПРУССКУЮ ВОЙНУ.

Торжество Пруссии для Бакунина означало торжество реакции, международной реакции, новый Священный Союз, направленный против рабочего класса, против социализма. И что эта реакция воцарится в Европе по меньшей мере на пятьдесят лет.

Значит, не в интересах только Франции, а в интересах всего мира, в интересах международного социализма, в интересах мировой, по крайней мере, европейской революции Бакунин призывал к поражению армий немецких государей, руководимых Пруссией, Бисмарком.

Французское государство было разбито, оно бессильно защищать Францию, ее армии не в состоянии задержать победоносного шествия немцев к Парижу, французская буржуазия уже не буржуазия 1789 — 1793 годов: она больше не патриотична, не революционна, она скорее предаст Францию, нежели растанется со своим богатством, привилегиями и властью, она будет лизать пятки какого угодно поработителя, если он оставит за ней право на эксплотацию. Францию, поэтому, говорил Бакунин, может спасти только пролетариат и крестьянство.

Нужно вызвать патриотизм, революционный патриотизм в рабочих, который заразил бы крестьянство и своим острием был бы направлен против своей буржуазии и против пруссаков. Одним словом, Франция может быть и должна быть спасена путем всеобщаго восстания, социальной революцией, которая, даже в случае гражданской войны, сделает войну против пруссаков революционной и вызовет революции в других странах и, может быть, в самой Германии.

Бакунин со страстью принялся за подготовку революции во Франции. Он полагал, что в этом деле инициативу должен взять не Париж, а провинция, например, такой город как Лион. Бакунин повел энергичную переписку со своими друзьями не только во Франции, но в Испании, Италии и в романской Швейцарии, убеждая и побуждая их немедленно приступить к делу. В Лионе Бакунин имел своего сторонника в лице Алберта Ришара и через него он бомбардировал письмами лионских революционных интернационалистов, воодушевлял их, побуждал к активности и убеждал в необходимости подготовить восстание в Лионе, которое, в случае успеха, разольется по всей Франции и установит повсюду революционные коммуны. Характер революции мыслился коммунальный, т. е. в форме федерации автономных или независимых коммун Франции, которые, объединившись, заменят искусственное единство Франции естественным.

Бакунин был уверен в неизбежности наступления революции. Эту уверенность он высказал в письме к Рейхелям, в котором он писал, «так или иначе революция делается неизбежной — сначала во Франции и Италии, а затем в той или иной степени повсюду».

«Да здравствует революция»! — закончил он письмо.

Лионские друзья Бакунина не спали. Падение Второй Империи и провозглашение республики только усилили их деятельность по подготовке рабочей коммуналистической революции. Дело шло, восстание приближалось, Бакунин получил приглашение приехать в Лион. В это время он жил в Швейцарии, в Локарно, и, как всегда, не имел денег. Он обратился за деньгами к своему старому другу Адольфу Фохту, в письме к которому он, между прочим, писал:

«Мои друзья, лионские революционные социалисты, зовут меня в Лион. Я решил понести туда свои старые революционные кости и там, вероятно, сыграю свою последнюю игру». 15-го сентября Бакунин приехал в Лион, а 28-го началось восстание. Благодаря недостаточной организованости и глупому, если не предательскому, поведению генерала Клюзере, командовавшего повстанцами, восстание не удалось. Бакунин должен был скрываться от ареста и, переодевшись, бежал из Лиона в Марсель.

Уезжая из Лиона Бакунин писал Паликсу: «Дорогой друг, я покидаю Лион с глубокой грустью и с мрачными предчувствиями. Я начинаю думать теперь, что Франция погибла—, она сделается вассальным княжеством Германии, и ее голос, некогда столь мощный, этот голос, возвещавший свободу всему миру, не будет пользоваться никаким влиянием в советах Европы.

«Место ее живого и реального социализма займет доктринерский социализм немцев, которые будут говорить только то, что позволяют им сказать прусские штыки, вернувшиеся домой после победы.

«Бюрократический и военный разум Пруссии в союзе с кнутом петербургского царя водворят спокойствие и общественный порядок на всем континенте Европы, по крайней мере на 50 лет.

«Прощай свобода, прощай социализм, справедливость для народа и торжество человечности! Все это могло бы выйти из современного разгрома Франции, и все это вышло бы из него, если бы французский народ, если бы лионский народ этого захотел».

Здесь звучат первые ноты сомнения. Однако Бакунин не поддался пессимистическому настроению, наоборот, он удвоил энергию и принялся за подготовку нового восстания.

В письме к А. Веллерио, от 8-го октября, Бакунин писал по поводу восстания в Лионе, что «это было только небольшое приключение, просто отложенная игра. Друзья, ставшие более благоразумными и практическими, работают активно в Лионе и Марселе, мы скоро возьмем свой реванш под носом у пруссаков».

Он продолжал верить в революционный инстинкт французских рабочих и в письме к А. Эскиросу писал, что он верит, что «народ не умер», в этом его убеждают, несмотря на неудачу, Лион и Марсель. Народу «не достает лишь организации и надлежащего руководства, той организации, того руководства, которые развиваются снизу и служат прямым выражением народной жизни и действия». Озерову же он писалл: «Дело наше верное, и мы одержим победу несомненную. Одна неудача ничего не значит, меня не испугали бы и десять неудач».

Говоря это, Бакунин имел в виду подготовку восстания в Марселе и второго восстания в Лионе.

Дела, однако, повернулись к худшему. В Лионе, при аресте посланца Бакунина, Линкевича, было о т о б р а н о письмо- инструкция Бакунина, на основании которого были произведены аресты, погубившие все дело. В Марселе в ближайшее время не предвиделось революционного выступления и друзья уговаривали Бакунина, в виду угрожающей ему серьезной опасности, покинуть Марсель. Бакунин оставил Марсель 24 октября, направился в Локарно через Геную и Милан.

Покидая Марсель, Бакунин покидал и веру в революцию во Франции. Он считал, что дело Франции и дело пролетарского освобождения проиграно на много лет. В этом отношении представляет большой интерес письмо к Сентиньону, писаное Бакуниным 23-го октября, т. е. накануне отъезда из Марселя.

«Друг мой, я окончательно потерял веру в революцию во Франции. Эта страна совершенно перестала быть революционной. Сам народ сделался здесь доктринером, резонером, буржуа на манер буржуазии. Социальная революция могла бы ее спасти, и она одна была бы способна ее спасти. Но так как она неспособна совершить эту революцию, она сильно рискует быть окончательно завоеванной пруссаками. . . Я покидаю эту страну с чувством глубокой безнадежности в сердце. Как бы я ни старался убедить себя в противном, но я твердо уверен, что Франция погибла, предана пруссакам бездарностью, низостью и жадностью буржуа. Милитаризм и бюрократизм, юнкерская наглость и протестанский иезуитизм пруссаков в трогательном союзе с кнутом моего драгоценного государя и повелителя, императора всероссийского, станут господствовать на европейском континенте бог знает в продолжении скольких десятилетий. Прощай все наши мечты о близком освобождении! Теперь начнется убийственная и страшная реакция».

С такими настроениями Бакунин приехал в Локарно. Эти настроения обострялись еще страшно-бедственным материалным положением. Бывали дни, когда в кошельке не насчитывалось больше пяти сантимов. Это страшно угнетало его, подрывало энергию и морально убивало.

БАКУНИН и ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Вскоре после отъезда Бакунина из Франции, совершенно неожидано произошло восстание и провозглашение Коммуны в Марселе. Движение было скоро и легко подавлено. В Лионе 4-го ноября произошло второе восстание в целях провозглашения Коммуны, но рабочие и национальные гвардейцы не оказали активной поддержки и здесь движение было скоро придушено. Такие факты укрепляли Бакунина в пессимизме. И он писал Огареву 19-го ноября: «По-моему, ложная гамбетовская система вошла уже в такую силу на практике и до такой степени победила и успела вытеснить нашу систему, что если бы сам Гамбета теперь захотел ее изменить, он бы не достиг ничего, кроме окончательной гибели Франции. Система его стала сильнее его самого и, хорошо или худо, она должна следовать своему неотвратимому течению и принести все свои плоды, прежде чем можно бы было свергнуть ее».

Эта система принесла свои перезрелые плоды в наше время, в 1940 году. Плоды ужасные. . .

В марте 1871 года события во Франции изменили свой курс и как будто потекли против пессимизма Бакунина. 18 марта восстал Париж и провозгласил Коммуну. Его примеру последовали многие провинциальные города: Лион, Марсель, Сент-Этьен, Нарбонне, Крезо и др. Однако движение в провинции не пустило глубоких корней и оно было подавлено в

одних местах и выдохлось, за отсутствием поддержки, в других. Париж оказался отрезанным от всей страны и предоставлен самому себе. Одно время казалось, что идея Бакунина всеобщего стихийного, необузданного, анархического восстания, низвергающего все старые устои и установливающего свободную революционную федерацию Коммун на место государства принимает реальный образ, воплощается в жизнь. Бакунин поколебался было в своем пессимизме и «запорол было горячку», как он признается Огареву в одном из писем, «но перестал».

События 70-года и марто-апрельские события 71-го года, свидетельствовавшие о полной безучастности провинции, легкость, с какой реакция подавляла возникавшие восстания, говорили Бакунину, что дело Парижа проиграно, а вместе с ним дело Франции и дело Социальной Революции.

Бакунин не верил в успех Парижской Коммуны, но был в восторге от нее, зорко следил за ней и живо интересовался всем происходящим в ней, болел за нее и выражал опасения по тем или другим поводам. Уже 5-го апреля Бакунин писал Озерову, что «по всем вероятностям парижане погибнут, но погибнут недаром, сделав дело»; в этом же письме он выражал беспокойство, как бы якобинцы не толкнули Коммуну «на старую головорезную и карманощадительную колею. Тогда все пропало. Единая и неделимая все погубит и прежде всего погубит себя». Бакунин восхищался парижанами:«чем бы не кончилось, а надо сказать, что молодцы. В Париже нашлось именно то, чего мы тщетно искали в Лионе и Марселе: организация и люди, решившиеся итти до конца».

«Чем бы не кончилось, писал он Огареву 16-го апреля, они (коммунары) все-таки создают огромный исторический факт. А на случай неудачи у меня остается два желания: 1) чтобы версальцы не победили Парижа иначе, как с открытою прусскою помощью, 2) чтобы парижане, погибая, погубили вместе с собою, по крайней мере, пол-Парижа. Тогда социально-революционный вопрос, вопреки всем военным победам, будет поставлен огромным неотвержимым фактом».

9-го апреля Бакунин писал Огареву: «вижу слишком ясно, что дело проиграное». И он объясняет это тем, что «Французы, даже работники, не проняты еще достаточно, а, кажется, урок был ужасный. Но как было его мало. Надо более бед, сильнейших потрясений. Обстоятельства сложились так, что в них недостатка не будет, — и тогда, может быть, дьявол проснется. Но пока он действительно не проснулся, нам там делать нечего, В чужом пиру похмелье вышло бы плохое, чрезвычайно неприятное, тем более, что совершенно бесполезное». Придя к таким горьким выводам, Бакунин вырабатывает новую тактику, соотвествующую изменившейся обстановке: сохранить живые силы революционных социалистов, организоваться и увеличиваться в числе, чтобы быть готовыми ко дню революции. «Наше дело готовиться, организовываться, распространяться, чтобы быть готовыми ко дню пробуждения дьявола. А до тех пор тратить свои бедные средства и своих немногих людей, — наше единственное сокровище — было бы преступно и глупо. Таково мое окончательное мнение. Я стараюсь и ты старайся всеми силами удерживать нашего друга, наших друзей (Озерова) и Росса, а также и наших горных друзей», т. е. юрцев. Тоже самое Бакунин рекомендовал через А. Швицгебеля юрцам.

Однако Бакунин сам не утерпел и 25 апреля поехал в Юру, чтобы быть поближе к Франции, ибо все еще теплилась надежда на движение в провинции. Но провинция оставалась безмолвной и неподвижной. 28-го мая Коммуна Парижа погибла, десятки тысяч ее мужественных защитников были расстреляны генералом Галифе и Тьером. Первого июня Бакунин вернулся в Локарно, не приняв прямого и непосредственного участия в Парижской Коммуне.

Оценивая Парижскую Коммуну, Бакунин писал Озерову еще 5-го апреля: «Достоинство этой революции состоит именно в том, что она революция рабочих».

Полную оценку роли и значения Парижской Коммуны Бакунин дал в «Парижская Коммуна и понятие о Государственности».

Парижская Коммуна рассматривается Бакуниным как первая блестящая практическая попытка выступления и смелое отрицание государства, последний факт особено важен тем, что он имел место во Франции, которая до сих пор была страной исключительной политической централизации.

Парижская Коммуна есть доказательство того, что «если жизнь, ум, нравственная сила и исчезли в высших классах, то зато они, могучие и полные будущности, сконцентрировались в пролетариате».

Парижская Коммуна начала собою новую эру, «эру решительного и полного освобождения народных масс, эру их солидарности, ныне вполне осуществленной помимо государств с их искусственными границами».

Парижская Коммуна имеет еще то огромное значение, что она «провозгласила себя гуманитарной и атеистичной, и заменившей божественные вымыслы великою реальностью социальной жизни и верой в науку, которая заменила ложь, неправду религиозной, политической и юридической морали принципами свободы, справедливости, равенства и братства, этими вечными основами всякой человеческой морали.

ПОСЛЕДНИЕ МОГИКАНЕ.

В истории русского революционного движения социал-демократическая партия и партия социалистов-революционеров занимают одно из важных мест.

Ведя свою родословную политику от Плеханова — родоначальника русского марксизма, социал-демократы играли большую роль в развитии русского рабочего движения. В области политического воспитания интеллигенции и рабочего класса они своей агитацией и пропагандой оказали на них большое влияние.

Они принимали активное участие в забастовочном движении России, играя в нем руководящую роль. Их программа в общем сводилась к борьбе с царским самодержавием, к завоеванию политической власти и к постепенному осуществлению социализма. И даже после раскола социал-демократической партии на большевиков и на меньшевиков, обе фракции продолжали активно работать, каждая имея на своей стороне то большее, то меньшее количество сторонников и последователей.

Партия социалистов-революционеров продолжала политическую борьбу славной «Народной Воли». Своей террористической борьбой против царизма социалисты-революционеры наводили страх и ужас на всех царских чиновников, вызывая в то же время симпатии рабочего мира. Их программа сводилась к уничтожению самодержавия, к захвату политической власти, к разрушению капиталистической собственности на землю и к переустройству общественной жизни на началах социализма. В некоторых пунктах своей программы социалисты-революционеры сходились с социал-демократами, например, они признавали, что социалистическому переустройству должна предшествовать политическая революция. Их разделяли главным образом аграрный вопрос и террористическая тактика. Социалисты-революционеры считали крестьян революционной силой, а террор — необходимым боевым средством, в то время как социал- демократы рассматривали крестьян, как мелко-буржуазный элемент, а террор — нецелесообразным методом борьбы.

После описаных событий прошел 71 год. Мы переживаем вторую мировую империалистическую войну, в которой Франция еще более жестоко побита Германией и находится в гораздо более позорном положении, чем при Бисмарке. Мы свидетели этого второго поражения Франции; все мы видим, чего хочет и к чему стремится современная Германия; все мы знаем, какие идеи ее воодушевляют, поэтому, я предоставляю самим читателям установить в чем Бакунин ошибался, в чем он был и продолжает быть правым.

Г. Максимов.

Революция 1917 г. в России окрылила надежды социал-демократов и социалистов-революционеров на победу. В первые, медовые месяцы революции они, пользуясь достигнутой властью, играли активную и доминирующую роль в политической и социальной жизни страны, но верные своей доктрине, что Россия как капиталистически неразвитая страна, еще не подготовлена к восприятию социализма, они остановились на пол-пути. Этим воспользовались большевики, которые, наигрывая на их половинчатости, захватили власть и объявили их контр-революционерами и врагами пролетарского государства.

Социал-демократы — меньшевики и социалисты-революционеры начали терять влияние среди трудящихся и интеллигенции. Их ряды поредели: одна часть была арестована, другая —депортирована, третья — добровольно оставила Россию, а четвертая — ренегировала. К этому прибавился еще и раскол, раздробивший партии на три течения: правое, левое и центристское, и распыливший их силы.

Очутившись заграницей, социал-демократическая группа начала издавать двухнедельный журнал «Социалистический Вестникъ», а социалисты-революционеры одно время издавали даже три журнала: «Знамя Борьбы», «Революционная Россия» и «Свободная «Россия», представлявшие три фракционных течения. Но эти журналы уже не существуют.

Война, фашизм и реакция в Европе заставили социал-демократов и социалистов-революционеров искать убежища за океаном, в Новом Свете. Здесь на американской почве, социал-демократы возобновили издание «Социалистического Вестника», а недавно образовавшаяся оппозиция приступила к изданию журнала «Новый Путь»; социалисты-революционеры начали издавать журнал «За Свободу».

Несмотря на то, что эти журналы разъединяют некоторые идейные и политические вопросы и задачи, их все-таки объединяет одна общая социалистическая задача: культурно-пропагандистская деятельность. При этом характерно, что и «Социалистический Вестник», и «Новый Путь», как социал-демократические органы, клянутся именем Мартова, как большевики Лениным, и каждый считает, что именно он находится на верном пути достижения социалистического идеала...

Однако, эта деятельность, в реальных условиях американской действительности, мало ободряет. Оторванные от России, от широких народных масс, социал-демократы и социалисты-революционеры могут, конечно, спокойно работать в культурном направлении. Но их идейное влияние изжито. Духовные корни, питавшие их ряд десятков лет, загнили. Потому, не имея возможности возвратиться на родину, они, как последние могикане, объективно осуждены на бездеятельность и вырождение.

Л. Липоткин.

РУССКИЙ НАРОД ГОЛОДАЕТ.

А. Т. Стил, корреспондент «Чикаго Дейли Ньюс», провел в Советском Союзе девять месяцев с начала войны. По распоряжению газеты он переведен на Дальний Восток. По пути к месту назначения Стил прислал из Богдада корреспонденцию: «Москва и веселый Богдад. — Изучение военных контрастов», которая опубликована газетой 3-го июня 1942 г. В этой статье Стил очень кратко и осторожно говорит о продовольственном положении русского народа. Мы даем в переводе все существенное, что имеет отношение к затронутому им вопросу. **Ред.**

Вниз по широким кофейного цвета водам Волги я плыл из Куйбышева в Астрахань на старом колесном пароходе «Чичерин»..... Весь путь по Волге текущей параллельно фронту на расстоянии 200-500 миль от него постоянно напоминал о чрезмерном напряжении, которое наложила война на продовольственные запасы России, на ее живую силу и на ее промышленность.

Продовольствие — господствующая проблема повсюду. Основной рацион, в общем, получается, но достать чтол-ибо помимо него — самое затруднительное дело. Путешествовавшие по России до войны могли рассчитывать найти достаточно пищи вдоль железных дорог, а на пароходах их кормили роскошно. Теперь нужно брать пищу с собою или рискуешь голодать

В течении четырех дней единственная выдача пищи на нашем пароходе состояла из пары соленых селедок и угреватого куска черного хлеба. Иногда крестьяне приходили к пристаням с яйцами, молоком и хлебом, но покупка была возможна только в порядке обмена на товары или на другие продовольственные продукты.

После уплаты в одной деревне за два яйца, равной доллару за штуку, я устремился в другую со слегка использованным уже куском мыла, с катушкой ниток и с пригошней табаку, и я не имел затруднений в обмене всего этого, чтобы составить хороший обед. Вы можете купить почти все за маленький пакетик чаю, за несколько кусков сахару, за пакетик табаку и за старую пару ботинок.

Транспортация и распределение все еще знакомое русское узкое место, вследствие чего неудивительно, что находишь необычайное неравенство в условиях городов, отделенных друг от друга лишь немногими милями.

Саратов, холмами окруженный город с населением более 500,000, был первым нашим портом ниже Куйбышева. Он представлял прекрасную картину, когда мы приближались к нему, но мои иллюзии быстро рассеялись, когда я сошел на берег. Магазины, тянувшиеся вдоль прекрасной улицы, были безжалостно пусты, гораздо более пусты чем в каком-либо другом городе, который я видел. Они были дочиста обобраны проходившими с самого начала войны толпами беженцев из военных зон. Для продажи, однако, имелось много портретов и бюстов советских вождей и, что довольно странно, новогодние елочные украшения, но мало чего другого.

Несколько же часов позднее, в Сталинграде, один из больших промышленных центров Советского Союза и величайшая база снабжения южного русского фронта, я натолкнулся на более радужную картину: магазины были довольно хорошо заполнены и общая атмосфера производила впечатление достатка. Это показывает, как трудно судить об условиях в России по одному городу или по одной области.

Несомненно, Советский Союз страдает от растущего недостатка потребительских товаров' несомненно, продовольственная проблема и размеры грядущего урожая будут иметь самое важное влияние на способность страны вести войну продолжительное время. И из поверхностного наблюдения, подобно данному, легко вывести сверх-сенсанционное заключение.

Несомненно, русские, в общем, живут на минимальных продовольственных рационах и для многих из них хлеб и водянистый суп являются единственной основой их существования, но эти минимальные рационы до сих пор не были сокращены.

Во время моих поездок по Советскому Союзу я заметил, что даже там, где вне продовольственных магазинов, практически невозможно купить продовольствия, народ как кажется, каким-то образом справляется.

Конечно, Красная Армия и амуниционные рабочие хорошо снабжаются, это может быть принято за факт. Большинство колхозников, которые составляют и большинство населения, сами заботятся о своих собственных нуждах. Та реальная нужда, которая существует, имеется глвным образом среди остального населения — так называемых «бесполезных».

КАК МЕНЬШЕВИСТСКИЙ ЭКОНОМИСТ НАКОРМИЛ РУССКИЙ НАРОД В ПРОШЛУЮ ЗИМУ.

С приездом в Америку из Европы русских политических эмигрантов, Нью Йорк обогатился рядом толстых и тонких журналов: с полдюжины выходит их. Нас заинтересовал один из этих журналов, о других мы поговорим в другое время, «русский социал-демократический орган Новый Путь», даже и не он, а один из его «ближайших сотрудников» А. Югов и не он сам, как личность, а его статья в № 17 — «Советские колхозы и война», в которой он утверждает, но не доказывает, что, русский народ сыто прожил только что минувшую зиму и сыто

проживет следующий год.

«... Мы уже писали, говорит г. А. Югов, что, утеряв Украину и Крым, но имея в своих пределах, такие хлебные районы, как Кубань, Поволожье и Западная Сибирь, о катастрофе с хлебом, о голоде говорить нет оснований». СССР сможет прокормить население неоккупированных областей Союза, сможет обеспечить снабжение Кр. Армии, сможет удовлетворить потребность индустрии в сельско-хозяйственном сырье. Прожитая зима показала, что СССР действительно не испытал каких либо серьезных лишений в области и продовольствия и с. х. сырья. Чувствовался недостаток лишь в сахаре, который в будущем будетъ устранен при содействии С. Ш. А...»

Если зима показала г. Югову, что «СССР не испытал каких-либо серьезных лишений в области продовольствия», то почему бы не показать читателямъ показаний зимы?

Потому что у Югова их нет, никакая зима ничего ему не показала. Он, просто верит, что никаких продовольственных лишений не было и хочет чтобы и другие верили. Довольно странный подход со стороны экономиста.

Впрочем, мы не совсем справедливы к экономисту Югову, ибо за доказательствами он отсылает к своей статье от 13-го ноября 1941 года в которой он, на основании большевистских данных доказывает». что продовольственные рессурсы СССР достаточны и беспокоиться за зиму нечего.

Да простит экономист Югов, но мы должны сказать что он следует архи-научному методу «всероссийского старосты», М. Калинина. В период первой пятилетки Калинин, согласно анекдоту, делал доклад харьковским рабочим и распинался об успешном домостроительстве.

«Посмотрите—сказал он, —на вашу Сумскую, что там было раньше и какие небоскребы теперь»,

«Товарищ Калинин,—сказал рабочий,—я только что приходил по Сумской и ничего такого не видел».

«Вот видите, товарищи—гневно ответил Калинин, что значит не читать советскую прессу»!

Югов несомненно читает советскую прессу и не может попасть в такой просак, в какой попал харьковский рабочий...

Но убедил ли Калинин рабочего? Нет, не убедил. Убедил ли кого Югов? Нет, не убедил. Но верующие души, которые не нуждаются в доказательствах и довольствуются верой, ему несомненно поверили, особенно теперь, когда примитивный патриотизм требует такой веры.

Мы принадлежим к той же категории людей, к которой принадлежал наш анекдотический харьковский рабочий: мы хотим судить не на основе веры, а на основе знания, на основе реальных фактов.

Если прошлая зима показала что-то Югову, что он не хочет показать другим, то и нам эта зима показала кое-что и не по секрету, и мы охотно покажем это г. Югову.

В феврале месяце корреспонденты американских газет, — («Чикаго Дейли Ньюс» — г. Стил, и «Нью-Иорк Таймс» — г. МкЛуфлин) имели возможность посетить лагери немецких пленных в России. Корреспонденции о виденном конечно, прошли строгую большевистскую цензуру. Стил (от 7-го фев.) и МкЛуфлин (от 10 фев.) дали в них дневной продовольственный рацион, который состоит из 400 граммов черного хлеба, равняется в английской мере трем четвертям фунта; 500 граммов картофеля, капусты, моркви и лука—равно одному фунту; 100 грам. каши (вероятно крупы), 100 граммов рыбы или мясса, (в большинстве случаев рыба), что равно трем и одной пятой унции; по 20 гр. сахару и масла (надо полагать растительного), что равняется двум третям унции.

По какой-то случайной непредусмотрительности в статье МкЛуфлина осталось замечание: **«ежедневный рацион пленных одинаков с рационом русского гражданского населения».**

Этот рацион, конечно, больше, чем жевать лыко или подметку и запивать водой, но это голодный рацион! И еще большой вопрос получало ли население этот паек регулярно .

Мисс Элис Л. Мот, вернувшись из России, поместила в журнале «Кольерс» (25-го Апр. 1942 г.) статью: «Россия без цензуры», в которой писала: «В настоящее время — (обратите внимание на **«настоящее время»)** — в больших городах вполне достаточно продуктов питания, **но в провинции чувствуется недостаток, благодаря неправильному распределению».**

Население получило продовольственные карточки, но не получает продуктов... Старая большевистская история.

На «свободном» рынке можно купить все, но нужно платить в два раза дороже. Мисс Мот приводит цены на некоторые продукты рынка: кило мяса 5 - 14 руб., хлеб 1.50 -2.70, колбаса 13-22, масло (коровье) — 28 руб. за кило.

На средний трехсотрублевый месячный заработок прикупать что-либо на рынке население не может и, с жестокой эгоистической наивностью, свойственной всем посещающим Россию иностранцам, думающим что они слеплены из другой глины, мисс Мот заключает: **«большинство населения привыкло жить, —** (обратите внимание на это привыкло жить).— **главным образом, на черном хлебе и супе».**

Если бы мисс Мот знала анекдот о цыгане и его лошади, то она не писала бы так спокойно **о привычке русского народа жить на хлебе и воде**, а тревожно спросила бы: не наступает ли и для него тот роковой седьмой день, в который, после шести дней опытного голодания цыганская лошадь «внезапно» сдохла?

Если мисс Мот и подобным ей иностранцам простительно не знать о цыганском опыте с лошадью и о многом другом, то русскому это совершенно непростительно, для русского же

экономиста Югова это непростительно трижды. **Прожитая зима показала, г. Югов, что русский народ пережил ее на трех четверках черного хлеба и на «супе».** Если этот «рацион», по-вашему, показывает, «что СССР действительно не испытал каких-либо серьезных лишений в области продовольствия», то честным людям, которые страдают страданиями русского народа и борятся за его свободу, а не живут интересами реакционного, эксплоататорского большевизма, остается только одно: махнуть на вас рукой и сказать — мели, Емеля, — твоя неделя...

———0———

ПОЧЕМУ РОССИЯ, А НЕ СОЮЗ СОВЕТ. СОЦИАЛ. РЕПУБЛИК?

Нас часто спрашивали и продолжают спрашивать, почему Союз Советских Социалистических Республик мы называем Россией?

Вот наши объяснения:

1. Страною правит Российская (официально: Всесоюзная) Коммунистическая Партия. Этой партии подчинены все так называемые «союзные» и «автономные республики», Коммунистические Партии, которые находятся в такой же зависимости от нее, в какой находились губернаторы, генерал-губернаторы и наместники от царя. Они правят своими народами и областями, а Москва правит ими и правит гораздо строже, чем царь губернаторами. Они не могут ослушаться центра. Следовательно, мы имеем дело со строгой централизацией. Политическое же объединение основанное на принуждении и централизации никто, кроме большевиков, не называет союзом, ибо союзом называется такое объединение, которое основано на добровольном соглашении, заключенном при условии строгого равенства договаривающихся сторон.

2. Мы не можем называть страну советской, потому что советы фактически давно были сведены нанет, а Сталинская Конституция 1935 г. устранила их и юридически. Нельзя же человеку с нормальным зрением белое называт черным.

3. Страну нельзя называть и социалистической, потому что она не имеет социализма. Где имеется заработная плата, там имеется и эксплотаация, а где — эксплоатация, там не может быть соціализма. Социализм и эксплоатация несовместимы.

4. Мы также не можем назвать страну республикой, когда в ней господствует диктатура, ибо республика и диктатура также несоединимы, как огонь и вода.

Если нет союза, нет советов, нет социализма и нет республики, то как же мы можем называть страну Союзом Советских Социалистических Республик?

Нельзя ее так называть, поэтому мы и называем ее по-старому РОССИЕЙ. Но самым правильным названием было бы: ВТОРАЯ РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ.

ГИТЛЕР В ПРИБАЛТИКЕ.

Среди повстанцев Прибалтийских стран были наивные, которые надеялись восстановить независимость своих стран с немецкой помощью. В большинстве случаев это были полуфашистские и фашистские элементы.

Восстановление независимости Литвы было провозглашено партизанами, когда большевики еще не были вытеснены и когда немцы только что начали занимать пограничные литовские города. Было организовано национальное литовское правительство во главе с Амброзевичюс, которое, фактом своего существования, как будто бы оправдывало надежды, возлагавшиеся литовскими фашистскими элементами на немцов. Но дела резко изменили свой курс, когда немцы заняли всю страну и продвинулись в глубь СССР. Теперь немцы не только не нуждались в литовских вооруженных силлах, но считали их опасными для себя и они не замедлили приказать правительству Амброзевичюса выйти в отставку.

Вместо того, чтобы оставить управление Прибалтийских стран в руках национальных правительств, Гитлер назначил для всей Прибалтики специального комиссара, своего друга Лозе,, — старый член партии и гаулейтер Шлезвиг-Гольштейна. По распоряжению последнего комисаром Литвы был назначен Фон-Рентельн.

Фон-Рентельн созвал бывших литовских министров и объявил им, что правителем страны является он и что он создает при себе Совет, но этот Совет будет иметь совещательный характер. Некоторых «министров» Фон-Рентельн прогнал, некоторые сами ушли в отставку, а некоторых правитель задержал при себе, несмотря на их желание уйти в отставку. Так, он оставил при себе проф. Юргутиса, выдающегося литовского экономиста, несмотря на то, что Юргутис не скрывал своего неодобрения многим распоряжениям Фон-Рентельна.

Везде, где раньше были русские комиссары, Фон-Рентельн посадил своих. Комиссаром Ковно он назначил своего друга Крамера,

который был простым служащим в берлинском отеле «Адлон». Теперь этот человек распоряжается жизнью и достоянием населения всего ковенского округа.

Когда в Литве были большевики, они запретили все политические партии, кроме одной —коммунистической. Когда большевики замечали, что некоторые литовские коммунисты были заражены кое-какими «литовскими» идеями и неохотно выполняют московские приказы в полном соответствии с их букво и духом, их устраняли. Немецкие оккупанты также запретили все организации, кроме одной — фашистской. Но как только немцы заметили, что партия литовских националистов начала поговаривать о «литовском порядке» и неодобрительно относиться к некоторым немецким распоряжениям, они не замедлили не только запретить организацию литовских фашистов, но и арестовать некоторых членов этой организации.

Сравнительно в короткое время Фон-Рентельн совершенно разбил литовский государственный аппарат и весь контроль над страной перешел к нему.

Он энергично стал проводить политику онемечивания. Все внешнее знаки и символы, которые напоминали о самостоятельности и независимости, беспощадно стали уничтожаться немцами. Ношение или хранение национальных значков запрещено под страхом тюремного заключения. Немецкий язык сделан официальным. Его преподавание в школах стало обязательным. В университетах запрещено преподавание предметов, которые так или иначе связаны с историей и языками Прибалтийских стран. В университетах Прибалтики оставлены только прикладные факультеты: медицинский, ветеринарный и сельско-хозяйственный. Прибалтика переименована в Остляндию и пресса уже говорит, что она останется провинцией Восточной Пруссии.

В экономической области самовластье немцев проявляется еще с большей полнотой. Если русские просто грабили и вывозили без всякого порядка, то немцы делают это по плану, отчего страны Прибалтики остаются еще более оголенными.

Собственники земель, отведенных большевиками под колхозы и совхозы; собственники национализированных промышленных предприятий, жилых домов, купцы, акционеры и все, кто так или иначе пострадал от национализации, ожидали возвращения утраченного или возмещения. Временное литовское правительство успело издать ряд декретов о возвращении мелких предприятий их бывшим собственникам и обещало со временем «рассоциализировать» и всю остальную собственность. Немцы приостановили эту «рассоциализацию». Немецкие комиссары приказали оставить совхозы и колхозы нетронутыми, как и социализированные промышленные предприятия. Ответственность за порядок и за производительность была возложена на колхозные, фабричные и заводские комитеты рабочих. Это было временной мерой: «пока главный комиссар выработает правила и указания, как поступать».

В Январе 1942 г. комиссар Лозе издал распоряжение о переходе всех колхозов, совхозов, национализированных предприятий, домов и пр. в ведение Ландвиршафтунгтезельшафт Остлянд (Земледельческое Общество Остляндии). Центр этой организации находится в Берлине; в каждом уезде Прибалтийских стран оно имеет своих представителей, которые заведывают хозяйством. Господин Лозе приказал также восстановить все «рассоциализированные» колхозы, совхозы и промышленные предприятия. «Уступка» была сделана только домовладельцам: им разрешили иметь квартиру в своем доме, но они обязаны платить ренту немецкому хозяинну.

По сообщению одного из шведских корреспондентов, один высокий немецкий чиновник сказал ему, что в оккупированных странах имеется 480,000 всякого рода предприятий, которые будут розданы в собственность наиболее отличившимся на войне. Маршал Геринг уже выработал план о раздаче немцам имуществ, стоимость которых не превышает ста тысяч марок. После войны, когда начнется демобилизация армии, начнется и наделение солдат землями завоеванных стран. Если Гитлер выиграет войну, то в Прибалтике будут востановлены немецкие бароны, к которым перейдут в собственность все колхозы и совхозы.

Согласно распоряжению комиссара Лозе вся торговли Прибалтики монополизирована. В Литве, например, существует только три организации, которые имеют право закупа и сбыта: «Майстас», «Пиеноцентрас» и «Лиетукис». По приказу Фон-Рентельна от 7-го ноября 1941 года право закупа и сбыта зерна оставлено только за «Лиетукис», молоко — за «Пиеноцентрас» и. т. д. Таким образом, немцы захватили в свои руки все сельско-хозяйственные продукты: хлеб, мясо, лен, шерсть кожи и т. д.

Мелкое крестьянство, которое составляет большинство, пострадало от немцев более, чем кто бы то ни было. В прошлом году немецкий министр народного хозяйства Функ распорядился, чтобы Литва поставила немцам 150 тыс. тонн картофеля, 70,000 т. мяса, 14,000 тонн масла и все в таком же роде. Когда эти продукты не были собраны в предписанном количестве, тогда началась реквизиция. Реквизировали все, что могло пригодиться: коров, свинней, гусей, кур, кожи, меха, шерстяную одежду, валенки, перчатки, теплые шапки и даже грамофонные пластинки.

Каждый крестьянин обязывался поставлять установленное количество молока с коровы. А чтобы крестьяне не могли употреблять молоко на масло, комиссар Лозе 31 декабря 1941

года предписал, под страхом тюремного наказания, передать немецким властям все маслобойные принадлежности. Всякий крестьянин, уличенный в производстве масла, в каком бы то ни было количестве, подлежит тюремному заключению. Во всей Прибалтике ни один крестьянин не имеет права без соответствующего разрешения убить свинью или поросенка.

Все население переведено на рацион, который состоит из 280 гр. хлеба в день, 200 гр. мяса и 100 гр. масла в неделю, 300 гр. крупы и 400 гр. муки в месяц. Однако и этот, более чем голодный, паек не всегда выдается полностью.

У евреев Прибалтики отнято все имущество. Докторам и адвокатам из евреев запрещено заниматься практикой. В каждом значительном городке установлено гетто. Семейства смешанных браков разъеденены и разбиты: или муж в гетто и не может видеть жены и детей, или жена в гетто и не может видеться с мужем и детьми.

Когда были большевики, народ сопротивлялся их оккупации и порядкам, сопротивляется он и немцам и, также как и при большевиках, дорого платит за это сопротивление. Казни и расстрелы стали обычным явлением. В Декабре прошлого года в Шавлях расстреляли за саботаж Зигмаса Римша и Стасиса Вилкунуса, в Ковно повесили полковника Матулевичуса а в Вильно расстреляли Судейко, Скута, Коваленского и Коминского. Расстрелы имели место в Тельшах, Мажейках, Мариамполе и в других местечках и городах. В Шавлях, Тельшах и в Мажейках народ сгонялся на городские площади, чтобы присутствовать при совершении казней. Лозе и Фон-Рентельн издали целый ряд декретов, угрожающих смертной казнью за целый ряд «преступлений».

Народы Прибалтики страдали от своих собственных полуфашистских режимов, боролись против них за свою экономическую и политическую свободу и расплачивались за это Они боролись с большевиками - оккупантами за те же экономические и политические свободы и за национальную независимость и расплачивались десятками тысяч арестованных и высланных в Сибирь. Теперь они борятся с немцами за то же самое, за что боролись с большевиками и платили дорогую цену. Теперь эта цена, в условиях военной обстановки, неизмеримо поднялась. Но несмотря на это, народы Прибалтики борьбу не толко не ослабили, но значительно усилили, ибо немецкая оккупация превосходит все пережитые ужасы прошлого.

В. Давайнис.

———О———

ВЕЛИКОБРИТАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ВОЙНА В АЗИИ.

(Заметки из записной книжки)

1. ИМПЕРИЯ ПОДГОТОВЛЯЕТ ПЕРЕЕЗД НА НОВУЮ КВАРТИРУ.

Англия заботится о сохранении своей империи. Военная политика подчинена этим заботам. Но сроки приближаются, они уже на пороге, когда великобританский империализм должен будет уйти из Юго-Восточной Азии, почти из всей Азии, добровольно или ему покажут выход. Это случится скоро, вероятнее всего в результате текущей войны, ибо стремление народов Азии к национальной независимости несокрушимо и оно наростает в силе с каждым днем.

Китай объединится и станет национально-независимым от Японии и блока империалистических государств Европы и Америки, но будет в большой финансовой зависимости от последних. Однако внутреннего спокойствия он не получит, пока не совершит удовлетворительной для крестьянства аграрной революции и не установит демократического порядка.

Малаи, Бирма и Индия отпадут от Англии, что будет означать потерю влияния последней в Тибете, Синкианге, Афганистане и даже и некоторой степени в Персии. Перед Россией откроются необозримые возможности распространения и углубления своего морального, политического и экономического влияния во всей Азии, при условии отказа с ее стороны от всяких империалистических поползновений.

Австралия и Новая Зеландия тяготеют к Соединенным Штатам и после войны их связи с Англией ослабеют, а связи со Штатами укрепятся. Канада политически и экономически уже более связана со Штатами, чем с Англией.

Географическое же положение диктует ей формальный союз со своим большим соседом. Рано или поздно этот союз станет фактом. Таким образом, английский империализм должен будет уйти из Тихого океана. Соединенные Штаты станут могущественной империей, гегемоном на всем Американском материке и на Тихом океане, влиятельнейшей державой в теперешней Голландской Индии и на огромном протяжнии азиатского материка. Это, конечно, не непременно, но очень вероятно, так как текущая война обнаружила неспособность и даже бессилие английского империализма защитить свои огромные, но разбросанные колонии в Азии и на Тихом океане. Но английский империализм не сдается. Он надеется на Америку и на Россию, которые, в силу создавшихся ус-

ловий, против воли и желания, вынуждены работать косвенным и прямым образом на спасение английского империализма в Азии. Однако, эта работа парализуется и сводится нанет стремлением азиатских народов к независимости.

Бароны английскоко империализма прекрасно понимают положение дел и предвидят возможность своего вынужденного ухода, но в надежде спасти хоть что-нибудь будут осложнять ситуацию и цепляться решительно за все, что может их удержать.

Однако Британскую империю не постигнет участь Австро-Венгрии. В предвидении своего вынужденного ухода, бароны английского империализма подготовляют новую квартиру для империи в Африке. Если Малаи, Бирма и Индия будут невозвратно потерены, то Африка с Ближним азиатским Востоком станут для Англии тем, чем была для нее Индия и соседние с ней колониальные страны.

Весь ход текущей войны показывает, что Англия прилагает большие усилия на закрепление в Африке. Выпадение из войны Французской и Белгийской империй, поражение итальянцев в Африке сделали Англию господствующей силой почти на всем африконском континенте.

Выгодные договоры с бельгийским Конго, с колониями «Свободных французов», завоевание Эфиопии и договор с ней, ставящий ее в полную зависимость от Англии, завоевание итальянский колоний, захват Сирии, Ирака и раздел Персии, неминуемое завоевание Ливии и Триполитании уже создали необходимую основу для новой Британской империи. Одним словом, новая квартира для английского империализма уже готова, остается только отделать детали, что будет сделано после победы над странами «оси».

Не будет удивительно, что с переездом английского империализма на новую квартиру, он, постепенно или сразу, прямо или косвенно, в зависимости от обстоятельств, захватит контроль и над португальскими африканскими владениями и над Виши-французскими. Дело как будто бы идет к этому.

В Африке английский империализм на многие десятилетия будет избавлен от неприятностей борьбы со стремлениями туземного населения к национальной независимости, потому что возьмет много лет пока африканские племена сложатся в нацию и приобретут сознание национального единства. Исключение составят только арабы Африки и передней. Ближневосточной Азии, но, при умении, их еще долго можно держать в подчинении, натравляя одни племена на другие, создавая полунезависимость, протектораты и союзные государства.

2. ПОД ВПЕЧЕТЛЕНИЕМ ПЕРЛ ХАРБОР

Встает очень деликатный и сложный вопрос. Если колониальным народам Азии не будут немедленно даны осязательные доказательства готовности Англии и Америки пойти навстречу их национальным стремлениям, то война с Японией, несмотря на ее слабость, осложнится чрезвычайно и затянется на долгое время, потому что коварным словам Японии о национальной независимости народы Азии поверят и восстанут против белого гоподства. Восстанут на Малаях, в Голландской Индии, непременно в Бирме, где, после ареста англичанами премьер-министра Ю-Соу, озлобление, вероятно, дошло до пределов. С Индией тоже будет много хлопот.

В той атмосфере, которую создали в своих колониях англичане и голландцы, японская пропаганда расовой вражды к белым найдет плодотворную почву, — на это не следует закрывать глаза. Лозунг: «Азия для азиатов», несомненно звучит приятно для слуха широких народных масс, которые не умеют, не могут и не желают приподнять завесу, чтобы посмотреть что скрывается за этим лозунгом. Он им по-душе и этого для них вполне достаточно, а что будет после, они об этом не думают, потому что уверены, что будет хорошо. Корею могут видеть только интеллигенты, но не массы; они могут почувствоват ее со временем, но это будет слишком поздно и для них и для антифашистского блока держав. В этом таится самая громадная из громаднейших опасностей, перед которой мир когда-либо стоял.

Дело не в поражении и не в победе над ними Японии, а в последствиях этого поражения и этой победы. Победа Японии означает победу империалистического расового фашизма, фашизацию и расизацию психологии многомиллионных масс Азии, их агрессивность.

Это можно предотвратить решительными уступками колониальным народам со стороны Англии и Голландии; Америка должна оказать на них давление в этом направлении. Если это не будет сделано, то Англия и Америка, во имя эгоистических интересов небольшой эксплоататорской клики империалистов, совершат величайшее преступление перед человечеством и перед его прогрессом, которое никогда не будет прощено им историей и их собственными народами. Если это не будет сделано, колониальные народы воспримут войну Англо-Америки против Японии, как войну за увековечение белого господства над ними, как войну за увековечение угнетения и эксплоатации, а войну Японии воспримут как освободительную войну; Япония станет в их глазах чемпионом их свободы и национальной независимости. В конечном результате выиграет фашизм, который переменит весь курс намеченного историей прогрессивного развития мира и установит... у меня даже не хватает воображения, чтобы представить, какой ужас он может установить!

3. ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ ПАДЕНИЯ ПЕНАНГА.

Победа требует немедленной свободы для народов Азии. Но зачем эта победа баронам империализма, если она пустая?! Они хотят победы с прибылями, а не просто победы. Если поражение сулит им прибыль, они готовы обменять бесприбыльную победу на прибыльное поражение. В этом весь трагизм народов стран так называемого либерального империалистического капитализма: Франция — класический пример и великолепная иллюстрация.

4. ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ ПРОДОЛЖАЩИХСЯ УСПЕХОВ ЯПОНЦЕВ НА МАЛАЯХ.

6-го января текущего года **'Чикаго Трибюн-Пресс Сервис»** передало из Лондона выдержку из статьи Франка Оуена, редактора газеты **«Ивнинг Стандарт»**, которая объясняет поражения англичн на Малаях.

Сделав себя приемлемыми для малайских туземцев, японцы продвигаются по стране со значительно меньшими силами чем можно было бы это делать в Китае, где народ настроен вести партизанскую борьбу».

Причина: английская колониальная политика, сводящаяся к упрямой борьбе против независимости и даже полунезависимости туземного населения. То же самое, вероятно, случится в Бирме, в Голландской Индии и в Британской Индии.

Поистине, на кого Зевс рассердится, того лишит разума: разум английского империализма он заменил сигарой Черчиля.

5. ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ СИНГАПУРА.

Мистер Черчиль продолжает раскуривать свою сигару, сидя на разбитой пороховой бочке. Если во-время не будет объявлено о немедленных практических шагах установления в Бирме и в Индии доминионного статуса, то эти страны также легко уйдут, как ушли Малаи и как сейчас уходит Восточная Индия от Голландии.

Это будет катастрофой для человечества и для его прогресса, ибо эти страны, попав в японские руки, заразятся расовым фашизмом и, воодушевленные лозунгом — «Азия для азиатов», причинят себе и человечеству много бед, тогда как немедленное их освобождение сделает их активными и чрезвычайно полезными борцами за свой и всеобщий прогресс. Японский империалистический фашизм сделает их орудиями своего реакционного господства над миром. Прогресс будет приостановлен на много лет и с большим трудом, ценою невероятных жертв, будет вскарабкиваться на высоты, с которых сброшен.

Рабочая Партия Англия должна заставить мистера Черчиля подвергнуться операции пересаживания мозгов, в противном случае к этому его принудят японцы, но это уже будет поздно.

6. ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ГОЛЛАНДСКОЙ ИНДИИ.

Невероятны по грандиозности и стремительности победы Японии. Весь секрет ее побед и политической силе, которую взращивало и взращивает империалистическое упрямство господина Черчиля. Победы Японии, мне кажется, не говорят об ее физической, военной силе: они — результат слепоты, умственного бессилия и безграничного живоглотского эгоизма англо-голландского империализма. В самом деле, возмите Филиппины, там не было чрезмерного проявления живоглотского эгоизма со стороны американцев, туземное население пользовалось большими правами самоуправления срок независимости был отчетливо установлен президентом Рузвельтом и Филиппины ведут с японцами отчаянную неравную борьбу, держатся до сих пор. Здесь дело не в военном гении ген. МакАртура, (может быть он, действительно, гениальный, я не отрицаю и не утверждаю этого), а в воле и в решимости населения защищать свою свободу и независимость; у народов Малаев, Бирмы, Восточной Индии и Британской Индии этой решимости и воли быть не может, потому что у них нет ни свободы, ни независимости.

7. ДЕЛО ИДЕТ К РАЗВЯЗКЕ.

Выход японского флота в Индийский океан и приближение армии к границам Индии, поставили вопрос о независимости этой страны ребром. Японские штыки и восстания туземцев Малаеев, Восточной Индии и Бирмы совершили нужную операцию над консервативными мозгами мистера Черчиля. Наконец, но как всегда, с большим опозданием, мистер Черчиль и партия поняли, что дальнейшее упорство грозит непоправимой катастрофой. Черчиль, самый упорный враг независимости Индии, приходивший в ужас от одной мысли потерять «самую драгоценную жемчужину в корне империи», вынужден предпринять практические шаги в направлении удовлетворения стремлений индусов.

Но он все еще лелеет мысль удержать Индию в границах империи, поэтому его предложение индусам носит характер коварного дара даянцев. Если индусы примут это предложение, то Индия будет балканизирована, разбита на ряд отдельных мелких государств-доминионов, которые позволят Англии практиковать политику на основе принципа «разделяй и властвуй».

Замечательно, что в роли Троянского коня и социального пожарного избран «левый» социалист, Стаффорд Крипс, исключенный из Рабочей Партии за пропаганду

с коммунистами. Бароны империалистического капитализма за время между двумя мировыми войнами, установили практику назначать, в критические для них моменты, социалистов. Эта практика оказалась весьма успешной: социалисты спасали положение и выводили их из беды не один раз. На примере Криппса мы видим продолжение этой практики. Думается мне, что на этот раз Троянский конь будет вскрыт и хитрость не удастся. Это будет на пользу не только индусам, но и англичанам и, что особенно важно, на пользу общего антинаци-фашистского дела.

* * *

Вторичный раздел Персии. Американская пресса 30-го января сообщила о подписании Ираном договора с Англией и СССР на основе Атлантической Хартии. Это значит, что второй раздел Персии совершившийся факт. Завоевание Ирана произошло с такой же молниеносной быстротой, с какой легионы Гитлера докатились до Москвы. Это — первая «блистательная» победа генералиссимуса, **главноустрашающего русских армий,** Иосифа Сталина, которая частично подтверждает носившиеся до его войны с Гитлером слухи о намерении Москвы добиться выхода к Персидскому заливу.

Нападение Гитлера и последовавший ряд небывалых в военной истории поражений заставили Сталина с радостью ухватиться за руку помощи, предложенную Черчилем и уже с ним, а не с Гитлером, делить чужое добро. Таким добром явилась Персия, на которую имел глаз и Гитлер. Стратегическое значение Персии в этой войне страшно возрасло, благодаря недавно законченной первой и единственной в стране железной дороги, которая соединяет Персидский залив с Каспийским морем. С потерей Мурманской железной дороги, перерезаной финами и немцами, остался, кроме Архангельска, только Владивосток, через который можно было снабжать Россию необходимыми для ведения войны припасами и снаряжением, но это был слишком дальний и, в виду позиции Японии, ненадежный путь. При таких условиях Персидская железная дорога, при всех ее недостатках, оказалась важной артерией снабжения, и Персию разделили, т. е. восстановили англо-русский договор 1906-1907 годов, по которому южная часть Персии переходила в сферу влияния Англии, а северная — России.

Англия одним выстрелом убила несколько зайцев: заслонила выход СССР в Индийский океан через Персидский залив, закрепила свои позиции в персидской нефти, приобрела плацдарм для защиты Среднего Востока и Индии, получила свободу рук в деле постройки железных дорог в желательных ей направлениях, закрепила свои торговые позиции и приобрела мост, который соединяет Индию, Бирму и Малаи с ее протекторатами и сферами влияний в Среднем Востоке и с колониями Африки.

Значение Персии для соперничающих великих держав Европы можно видеть из следующей записи Арнольда Вильсона («Дневник Политического Чиновника. 1907 - 1914. - Юго-Западная Персия», Нью Иорк, 1941):

«Россия хочет Транс-Персидскую железную дорогу к Индии, что было бы плохо для Персии и для Индии; мы (Англия) хотим железную дорогу от Персидского залива внутрь, но так чтобы она нигде не доходила до России. (Это уже совершившийся факт. ДПР). Наша (английская) позиция также затруднительна, как и позиция Персии, потому что мы сталкивались с решением Германии провести Багдадскую железную дорогу к Персидскому заливу через Ковейт.

«Железная дорога в Среднем Востоке — из Константинополя через Багдад к Персидскому заливу, из Багдада через Персию в Индию, из России в Индию, из Персидского залива в Тагеран, от Черного моря в Тагеран и пр. — все политические линии. . . В этой дипломатической игре Россия и Германия играют руководящую роль. . . Наша (английская) забота охранять наши собственные стратегические интересы, т. е. чтобы точка отправления (терминус) на Персидском заливе была под нашим контролем или влиянием и чтобы дороги, если они будут строиться, содействовали британской и индусской торговле в такой же мере, как и европейских держав и России. . . .»

Вот принципы и руководящие мотивы международной политики, а не Атлантическая Хартия.

Г. М.

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

ЛЮСИ ПАРСОНС ПОГИБЛА В ПЛАМЕНИ.

7-го марта окончился длинный жизненный путь Люси Парсонс. Закончился он, как и начался, трагически. Люси Парсонс погибла в пламени пожара своего двух-этажного дома, 3130 Норт Трой улица, Чикаго.

Люси Парсонс жила в этом доме со своим вторым мужем 67-ми летним Джоржем Маркстапл, за которого вышла замуж 17 лет спустя после повешания Альберта Р. Парсонса классовой юстицией чикагской буржуазии. Будучи 83 лет от роду, почти совершено слепая и потерявшая значительную долю слуха, Люси не смогла выбраться из квартиры, когда начался пожар, Маркстапл в это время находился вне дома, прогуливался с собакой, и ничего не подозревал: он только что подбросил угля в топку и оставил подвал дома. Когда он вернулся, он встретился с выбежавшими из дымящегося дома жильцами второго этажа. Маркстапл

попросил жильца Адама Гренда вызвать по телефону пожарную команду, а сам побежал, в сопровождении собаки, спасать Люсю. Но Марксталл, сам только недавно вышел из больницы был слаб и к тому же плохо видел. Когда приехали пожарные, то они нашли Люси мертвой, а Марксталла со слабыми признаками жизни. Отправленный в больницу, он умер там на другой день. 11 марта, при стечении довольно значителного числа друзей, состоялось сожжение тел. Пепел Люси Парсонс, заключенный в урну, будет вставлен в памятник чикагских Мучеников, что на Вальдгейм кладбище в Чикаго. Этот памятник поддерживался Люси Парсонс и немецким обществом «Пионер», которое взяло на себя все заботы по похоронам Люси и Марксталла.

Люси родилась в Техасе, ее девичье имя Диаз. В ее жилах текла индейская кровь. Будучи шестнадцати лет, она вышла замуж за Парсонса.

Парсонс принимал активное участие в рабочем социалистическом движении Соединенных Штатов и издавал газету «Аларм», орган анархического направления. В этом органе, время от времени, писала и Люси. В день знаменитой трагедии на Геймаркет Люси с двумя детьми стояла в первых рядах и слушала речь мужа. Налетела полиция, чтобы разогнать митинг. Затем кем-то, до сих пор не установлено кем была брошена бомба. Парсонс вместе с другими анархистами был арестован. Дальше все знают, что произошло. Капиталист Гери, в роли судьи, приговорил подсудимых к повешанию. Спустя несколько лет после судебного убийства Парсонса и его товарищей, губернатор Иллинойса, Альтголд, рассмотрев дело, нашел, что люди, посланные на висилицу и в тюрьму, были невинны и он приказал освободить Нибе и Шваба.

На протяжении всего ужасного процесса, когда буржуазная пресса выла, как голодный волк, учуявший запах крови, Люси мужественно стояла на стороне мужа и его товарищей, проявляя неутомимую и неустрашимую деятельность.

После смерти Парсонса, Люси мужественно разъезжала по стране с лекциями, рассказывая рабочим правду о случившемся распространяя речь Парсонса и речи остальных «осужденных» анархистов, которые они произнесли на «суде». Для этого нужно было обладать недюжим мужеством, ибо буржуазные газеты продолжали заниматься отчаянной травлей.

Люси издавала и распространяла писания Парсонса и сама написала книгу о Геймаркетском Деле. Неизменно каждый год она выступала на митингах, посвященных памяти Чикагских Мучеников, рассказывая и освежая кошмарное дело, которое, благодаря времени, стало забываться новым поколением.

До последних дней Люси не потеряла веры в идеалы, которым она начала служить вместе с Альбертом Р. Парсонсом почти 70 лет тому назад.

ЗНАМЕНИТЫЙ УЗНИК 20-го СТОЛЕТИЯ.

В госпитале Святого Луки, в Сан-Франциско, 8-го марта умер знаменитый узник 20-го столетия, жертва классовой юстиции штата Калифорния, **Томас И. Муни.** Он провел в тюрьме 22 года.

По продолжительности тюремного заключения с ним могут сравняться только русские политические заключенные большевитского режима, многие из коих были арестованы в 1917-21 годах и с тех пор мыкаются по тюрьмам и ссылкам. Разница между Муни и русскими политическими заключенными та, что за Муни непрерывно шла борьба вплоть до его освобождения, тогда как русские политические заключенные уже несколько лет совершенно забыты и теперь нет никакой надежды, чтобы за них был поднят голос мирового общественного мнения. В течении уже многих лет никто не знает об их судьбе. Можно только догадываться что она ужасна.

Муни родился в Чикаго в 1882 году в семье углекопа. С пятнадцати-летнего возраста он начал работать в качестве ученика-литейщика. После ряда лет тяжелого труда ему удалось посетить Европу, откуда он вернулся горячим сторонником социализма, примкнул к социалистической партии и энергично работал за выборы Дебса в президенты. Принимая активное участие в рабочем движении, Муни организовал и провел много стачек, из коих некоторые отличались большой бурностью, как стачка в Сан--Франциско. В процессе работы в рабочем движени, Муни все больше и больше отходил от социалистической партии влево и по своим настроениям был близок к Индустриальным Рабочим Мира и анархистам.

В 1916 г. в Сан-Франциско в парад «Дня (военной) Готовности», 22-го июля, была брошена бомба. Через неделю после этого события Муни, его жена Рина и Билингс были арестованы и обвинены в бросании бомбы.

На основании подкупленных свидетелей и под нажимом калифорнийской буржуазии процесс Муни-Биллингса сделали вторым изданием Геймаркетской Трагедии. Биллингс был присужден к вечной тюрьме, а Муни к смерти. Вмешательство президента Вильсона спасло жизнь Муни. Началась борьба за пересмотр дела, которая вышла далеко за пределы Соединенных Штатов. В течении этой долгой борьбы на сторону Муни, по мере выяснения его невинности, стали даже те, которые обвиняли его на суде и сам судья. Обнаружилось, на основании письма одного из лжесвидетелей, Оксмана, что показания пяти главных свидетелей обвинения были ложными. Несмотря на все это, калифорнийская юстиция, под давлением капиталистов, не разрешала начать переслушивание дела. Все по-

пытки в этом направлении и попытки освобождения при помощи губернаторов, постоянно кончались неудачей. Взяло много лет пока было добыто право обращения в Федеральный Веховный Суд, но когда дело поступило к нему, он отказался его рассматривать. Последние губернаторские выборы господин Олсон вел под лозунгом освобождения Муни. Олсон был выбран и выполнил свое обещание, 7-го января 1939 г. Муни был освобожден губернаторским вмешательством, а 17-го октября 1939 г. таким же порядком был освобожден и Биллингс.

Муни вышел из тюрьмы больным: он страдал болезнью желудка , которая, в конце концов, и свела его в могилу.

Похороны Муни взяли на себя Американкая Федерация Труда и Конгресс Индустриальной Организации (С. I. О.), объединить которые Муни старался и поставил это целью своей жизни.

От своих радикальных убеждений Муни достаточно далеко отклонился вправо.

* * *

СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ МИРОНЧУК.

Еще один из лучших товарищей ушел от нас в небытие: 26-го марта в Монтреале умер Степан Васильевич Мирончук, организатор Союза Российских Тружеников. Мирончук умер от воспаления мозговой оболочки. Тело покойного товарища было предано сожжению.

Мирончук родился в 1885 г. в семье крестьянина Минской губ. Пинского уезда, Поречицкой волости. В поисках за хлебом он покинул родину в 1913 году и приехал в Канаду. Мирончук оставил жену и двух детей: мальчика 13-ти лет и девочку двенадцати. Семья без средств, так как Мирончук, уволенный пять лет тому назад из железнодорожного депо, где работал в качестве помощника машиниста, не мог найти работу и жил на безработном пособии.

Мирончук, ознакомившись с идеями анархизма , принял их и оставался верным им до последнего дня своей жизни. Без преувеличения можно сказать, что он посвятил свою жизнь трудовому народу и служил делу его всестороннего освобождения беззаветно. Ненавистник всякой диктатуры, он неутомимо разоблачал рабовладельческий режим Сталина. Монтреальские большевики, не имея что возразить, часто грозили побить его.

Мирончук отличался страшной добротоой и отзывчивостью. Он не только работал для движения, не покладая рук и не жалея тяжело заработаннаго доллара, но и приходил на помощь товарищам, оказывавшимся в беде. В последнее время, несмотря на страшно тяжелые материальные условия, он приютил у себя слепого товарища, Петра Соловьева. Он и его жена, француженка, ухаживали за этим товарищем, как за братом, и делились с ним своей скудостью.

Смерть товарища всех нас страшно удручила, и опечалила но не ослабила нашей энергии в борьбе за осуществление тех идей, которым вместе с нами служил тов. Мирончук, и мы, оставшиеся в живых, предавая сожжению тело отошедшего товарища, дали обет следовать примеру тов. Мирончука и не оставлять борьбы до смертного часа.

Вечная память тебе, революционер-крестьянин, революционер-рабочий! Вечная память тебе, прекрасной души человек!

Гр. Резанович

Товарищи· нужна временная денежная помощь семье покойного товарища. Сложимся не скупясь, и поддержим ее. Поторопитесь и не забывайте, что мадам Мирончук имеет не только двух малолетних детей, но еще и слепого товарища. Будьте же отзывчивы и великодушны. Помните, покойный служил тому же идеалу, которому служите и вы.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

За неимением места вынуждены отложить финансовый отчет, который будет помещен в следующим номере. На 1-е июня с. г. остаток составляет $24.35

·Товарищи, нужны средства для выпуска следующего номера «ДТП», просим прислать подписку, добровольные пожертвования, сколько кто может, и не задерживать сумм за проданные номера.